

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ГАДЖЕТ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сергей Васильевич Лукьяненко

Гаджет (сборник)

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157015
Гаджет: АСТ; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-024018-0

Аннотация

Перед вами НОВЫЙ сборник Сергея Лукьяненко. Он порадует как поклонников юмористической фантастики, так и любителей фантастики умной и лиричной. Поклонников романа «Геном» ждет особый сюрприз – повесть, в которой они вновь встретятся с пилотом-спец Алексом и его новым экипажем. А еще Сергей расскажет о том, как снимается фантастическое кино, нужен ли писателю Интернет, стоит ли бояться Чужих и, наконец, действительно ли умерла Научная Фантастика.

В сборник вошли произведения:

От автора

Стройка века

- Стройка века

- Сухими из воды

- Купи кота

- Кровавая оргия в марсианском аду

- Если вы свяжетесь прямо сейчас...

- Девочка с китайскими зажигалками

- Новая, новая сказка...

- Без паники!

Донырнуть до звезд

- Мы не рабы

- Гаджет

- Плетельщица Снов

- Не спешу

- Донырнуть до звезд

- Эволюция научного мировоззрения на примерах из популярной литературы

- От голубя – к Геркулесу

- Доктор Лем и нанотехи

- Нечего делить

- Наносказочка

Ремарка

- Новый роман «Ремарка»

- Провернуть назад!

- Выпаренные сюжеты

- Если бы я писал «Красную Шапочку»...

Периодическая тризна

- Сами мы не местные...

- Хождение в кино

- Периодическая тризна

- Апостолы инструмента

Калеки (Повесть)

Содержание

От автора	4
Стройка века	5
Стройка века	6
Сухими из воды	16
Купи кота	25
Кровавая оргия в марсианском аду	36
Если вы свяжетесь прямо сейчас...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Лукьяненко

Гаджет (Сборник)

От автора

Беда – у меня кончились старые рассказы!

В свои предыдущие сборники («Л – значит люди» и «Атомный сон») я помещал немного старых, написанных десять – пятнадцать лет назад рассказов. Мне казалось, что это любопытно как постоянному читателю, знакомому с моими старыми книгами, так и читателю случайному, впервые открывшему мою книжку.

И вот старых рассказов не осталось. Точнее – не осталось тех, которые я готов без колебаний публиковать и сегодня. Для совсем уж больших энтузиастов все старые вещи есть в Интернете, на моей авторской странице: <http://www.rusf.ru/lukian>

А здесь – только те рассказы, что были написаны за последние два года.

Они разные.

Некоторые были написаны «просто так». Некоторые – по заказу журналов, как фантастических, так и «глянцевых». Некоторые – на конкурсы рассказов в Интернете.

Знаете, я давно убедился, что на качество рассказа причина его написания не влияет. И в этом сборнике постараюсь рассказать об истории создания каждого рассказа.

Конечно, могу немного и присочинить – для красоты. В конце концов, это ведь моя работа.:-)

Стройка века

Каждый человек (если он не предпочитает жить в шалаше) когда-нибудь делает ремонт. Кто-то все строит своими руками, кто-то нанимает строителей. Кто-то ограничивается побелкой потолка на кухне, а кто-то хочет полную перепланировку и мраморные колонны в спальню.

В любом случае ремонт – это катастрофа.

Когда стройка века в моей квартире завершилась (а со временем были устранены и самые ужасные недоделки), я понял, что для сохранения душевного здоровья требуется написать рассказ о строителях. Тут как раз вышел на экраны замечательный французский фильм «Астерикс и Обеликс – миссия Клеопатра», и я убедился: проблема ремонта мало того что интернациональна, она к тому же и вечна. А раз так – то почему бы не представить себе нелегкий труд строителей в далеком и светлом будущем?

Если вы недавно пережили ремонт – эти рассказы вас порадуют.

Если ремонт вам только предстоит – подумайте хорошенько, а оно вам надо?

Стройка века

– Есть заказ! – закричал Петрович, врываясь в кабинет директора.

В общем-то врываться было не в его манере. Петрович был невысоким, коренастым и неспешным – как любой человек, родившийся и выросший в условиях высокой гравитации. Но новость стоила того, чтобы изменить правилам. Львович, директор строительной фирмы «Откосы и отвесы», вот уже битый час наблюдавший в иллюминатор за швартовкой буксира, перестал грызть ноготь и с надеждой посмотрел на прораба.

– Сам на меня вышел! – возбужденно сказал Петрович. – Говорит, большой заказ. Говорит, оплата сдельная.

– Сдельная – это плохо, – мудро заметил Львович. – Откуда клиент?

– Прочион-2, – морща лоб, сказал Петрович. – Слыхал?

Львович подошел к старенькому компьютеру, вставил диск энциклопедии «Планеты и народы». Диск был пиратский, взломанный, ряд функций в энциклопедии не работал, данные по планетам были неполные и не отличались новизной – на ворованные энциклопедии обновления через галактическую сеть не поступали.

– Прочион-2... – пробормотал Львович. – Урановые и молибденовые шахты... никель и золото... серебро и титан... огромные запасы слюды...

– Слюда – ценная? – заинтересовался Петрович.

Директор лишь пожал плечами.

Последние пять лет дела у них шли неважно. Особенно с тех пор, как у «Откосов и отвесов» отобрали лицензию на право работы в Солнечной системе. Компаньоны перебивались случайными заработками на периферии Империи и едва сводили концы с концами. Единственное, что все-таки обеспечивало им приток клиентов, – удачное расположение офиса на геостационарной орбите. Пуск между складами «Кока-Колы» и заводом по переработке ядерных отходов – но все-таки у самой Земли!

– Президентская форма правления... климат от тропического до арктического... – продолжал читать Львович. – Так... деловая репутация... отличаются верностью данному слову, совершенно нетерпимы к нарушениям договорных обязательств. Офис компании, поставившей на Прочион-2 некачественные горные сверла, сгорел при неизвестных обстоятельствах... посредническая фирма, продавшая планете муку, зараженную долгоносиком, была разорена, а все сотрудники за долги проданы расе халфлингов...

Львович сглотнул и посмотрел на Петровича.

– За офис платить надо... – жалобно сказал прораб.

– Хочешь быть домашним любимцем халфлингов? – спросил Львович.

– Ну так... постараемся все сделать качественно! – искренне предложил Петрович. – В первый раз, что ли?

Львович вздохнул.

– Зарплаты два месяца не видели... – напомнил Петрович.

– А кто клиент?

– Генерал какой-то. Говорит, что представляет самого президента...

Львович ощутимо повеселел:

– Это меняет дело. Вояки – народ понимающий. С ними всегда можно договориться.

– Так и я о чем! – поддержал его Петрович. – А заказ крупный...

– Ну? – все еще не отрывая взгляд от экрана, спросил Львович.

– Строительство санаториев на сто тысяч человек!

– У них населения-то всего миллион! – поразился Львович. – С жиру бесятся... Ладно. Он выключил компьютер, поинтересовался:

– Твоя старушка на ходу?

Петрович погрузнел, но признался:

– На ходу. Горючего только мало.

– У меня вообще пустой бак, на честном слове летаю, – укорил его Львович. – Давай посчитаем курс и двинемся...

Генерал компаньонам сразу понравился. Был он солидный, обстоятельный и ничего не смыслящий в строительстве – когда Львович для пробы сказал, что полимеро-бетонные стены будут покрыты цветной декоративной пленкой, проглотил эту новость без возмущения. Ну и лох! Кто же покрывает пленкой гладкий полимер, и без того способный принять любую окраску!

Совсем уж развеселившись, Львович объяснил, что для прочного сцепления пленки с бетоном между ними придется проложить слой специальной строительной пены. Генерал и этому поверил, даже одобрил – пусть в корпусах будет хорошая звукоизоляция...

– А почему здесь строить решили? – поинтересовался Петрович, прохаживаясь вдоль скалистого берега. Дул холодный, пронизывающий ветер. Небо заволакивали снежные тучи. Голая промороженная равнина простиралась до самого горизонта. – Мы над экватором пролетали, такие замечательные пляжи...

Генерал фыркнул:

– Мы – народ неизбалованный, господа. Отдыхать привыкли в местах трудных для жизни, в спартанских, можно так сказать, условиях.

– Это правильно, правильно, – поддержал его Львович, с тоской вспоминая тропические леса, пляжи с белым и черным песком, чистейшую, прозрачайшую воду – заходя на посадку, корабль прошел над тропиками. Все вояки – идиоты! Но нельзя же ссориться с клиентом, не подписав договор...

– Поэтому никаких особых изысков нам не нужно, – продолжал генерал. – Крепкие стены веселенькой окраски. Хорошая высокая ограда – с колючей проволокой под высоким напряжением.

– Звери? – насторожился Львович. Будучи коренным землянином, он панически боялся инопланетных хищников.

– Звери, можно так сказать, – согласился генерал. – Жилые комнаты должны быть просторными – на сорок, пятьдесят человек каждая. Мы народ очень компанейский. И без изысков в отделке – это чуждо нашей культуре. Никаких мягких ковров, подогреваемых полов, интеллектуальных унитазов. Можно так сказать – назад, к природе!

– Замечательно, – вздохнул Львович. Эх, сколько возможностей таится для строителя в отделочных работах! Сколько замечательных возможностей, постичь которые человек иной профессии не способен! И на тебе – спартанская обстановка...

– Вот двери должны быть надежными, – заметил генерал. – С хорошими замками. Мы, можно так сказать, народ замкнутый, склонный к уединению... Да! Сортиры надо строить общие. Без унитазов, как я уже говорил. Длинный ров в бетонном полу, система автоматического смыва. И такие же столовые – длинный прочный стол, прикрученные к полу скамейки. В этих вопросах мы очень компанейские, любим, чтобы все было на виду, в обществе товарищей.

– И все отдыхающие настолько компанейские? – поразился Петрович. Львович бросил на прораба испепеляющий взгляд, но генерал не обиделся. Подумал и сказал:

– Нет, не все. Должно быть некоторое количество хорошо изолированных, желательно подземных комнат. Для любителей уединенной медитации. Маленькие, бетонные, с прочными стальными дверьми.

– Двери – это область, в которой наша фирма наиболее сильна! – сказал Львович, уловив общее направление мысли заказчика.

– Хорошо, – кивнул генерал. – А вот для обслуживающего персонала комнаты должны быть вынесены в отдельные корпуса. И чтобы между этими корпусами и бара... – он запнулся, но тут же воодушевленно продолжил: – И барами, которые наверняка будут организованы в санатории, была хорошо просматриваемая бетонная полоса. Надо бороться с пьянством обслуживающего персонала!

– Значит, строим еще и бары? – обрадовался Львович. – Строили мы как-то ресторан...

– Бары мы построим сами. Потом, – огорчил его генерал. – Вы стройте санатории.

– А какие-нибудь лечебные учреждения? – спросил Львович с робкой надеждой. – Для физиопроцедур...

– Наш народ... – начал генерал. Задумался, кивнул: – Вы правы. Вот что значит профессионал! Да, нужны будут помещения для физиопроцедур. Для массажа – с крепкими лежанками. Для закаливания – ванны с ледяной водой. Для электротерапии – надежные стулья, и чтобы можно было напряжение варьировать в любых пределах.

– Да хоть до десяти тысяч вольт, – гордо сказал Петрович.

– Десять тысяч вольт вполне устроит, – кивнул генерал.

– Но разве такое напряжение... – растерялся Петрович.

– Для надежности! – отрезал генерал. – Всегда полезно иметь резерв по мощности.

Верно?

– Провода возьмем медные, – поддержал его Львович. – Даже не провода – медные шины! А, что уж тут... серебряные шины! Дорого, конечно, выйдет...

Генерал улыбнулся:

– Ничего. Дело здоровья народа, можно так сказать, нам дороже всего.

– Что ж. – Львович радостно обвел взглядом заснеженную тундру, где вскоре предстояло разместить корпуса на сто тысяч отдыхающих. – Тогда... мы подготовим вам смету...

– Приблизительная стоимость? – сухо спросил генерал. – И сроки! Сроки очень важны, здоровье граждан расшатано за последний год.

– Ну... – Львович набрал воздуха побольше и выпалил: – Семьсот-восемьсот миллионов.

Генерал кивнул.

– Может дойти и до девятист... – скорбно закончил Львович. – Это уже надо калькулировать...

– Сроки?

– Три месяца, – пожал плечами Львович. – Верно, Петрович?

– Да, может, и за два успеем... – пробормотал прораб. – Пока точно не скажу, надо грунт рыть, полимеробетон к вашим условиям адаптировать...

Генерал вновь кивнул. И поинтересовался:

– Скажите, а кто у вас работает? Люди?

Львович всплеснул руками:

– Да что вы! Разве люди могут работать так быстро и хорошо?

– Цыгу? – удивился генерал.

– Да вы знаете, сколько бы с вас содрали цыгу? – возмутился Львович. – Совести у них нет...

– Роботы? – скривился генерал. – Видал я их работу...

– Андроиды, – вкрадчиво сказал Львович.

Первый раз за все время разговора в глазах генерала появилось искреннее восхищение.

– Андроиды? – повторил он. – А разве на Земле разрешено использование искусственных людей? Все эти дурацкие законы... о свободе мысли, о недопустимости, можно так сказать, рабства...

– У нас особенные андроиды, – гордо сказал Львович. – Разума у них нет вообще. Одни строительные инстинкты, как у пчел. Разума нет, воли нет... свободное от работы время лежат вповалку, временами утоляя голод.

– Интересное решение... – пробормотал генерал. – А как же они работают, если у них воли нет?

– Они все эмпаты, – пояснил Львович. – Когда я или Петрович присутствуем на строительной площадке, они чувствуют наше желание строить и начинают работать. Так что достаточно одного человека на всю зону работ.

– Это можно попробовать использовать и в военном деле... – задумчиво сказал генерал. – Что ж, господа. Составляйте смету – и приступайте!

* * *

Львович раскинулся в шезлонге и блаженно улынулся.

Красота!

Работа едва началась, а на счет «Откосов и отвесов» уже поступили первые сто миллионов. Потянулись к планете караваны транспортов со стройматериалами – генерала удалось убедить, что местный песок и камень не дадут необходимого качества. Вышли на работу андроиды, последние полгода покрывавшиеся пролежнями в корабле-рефрижераторе.

– Еще дайкири! – крикнул Львович.

Молоденькая девушка в бикини, пряча глаза, принесла ему коктейль. Львович несколько секунд полюбовался ее формами на фоне ласкового тропического моря, потом взял бокал. Девушка под его взглядом ощутило порозовела.

Ах уж эти милые провинциалки!

– Спасибо, милая, – сказал Львович.

Девушка, против обыкновения, не упорхнула в сторону сразу. Подняла глаза, спросила:

– Скажите... правда, что это вы строите на севере...

– Правда, – сказал Львович.

Девушка вновь опустила глаза.

– Ты не сомневайся, – ласково сказал Львович. – Так построим – века все простоит! И ты там побываешь, и дети твои, и внуки...

Девушка вспыхнула, окинула Львовича негодующим взглядом и быстрой походкой удалилась в сторону ресторана. Львович крикнул. Ох уж эти местные обычаи! Вероятно, упоминание о детях и внуках невинная девица сочла неприличным...

Пискнул телефон. Львович достал трубку – новенькую, дорогую, еще толком не освоившую, вальяжно сказал:

– Директор слушает...

– Львович, генерал с инспекцией едет, – тревожно сообщил Петрович. Лицо его на голографическом экране было озабоченным и даже смущенным.

– Сейчас... – забеспокоился Львович. – Ты, это... андроидам своим втык сделай...

– Пашут как черти, – сказал Петрович. – Приезжай быстрее.

Некоторое время генерал прохаживался вдоль одного из котлованов. Пинал ногой комья мерзлой земли – те долго и печально летели вниз.

– Зачем такие глубокие котлованы? – спросил он наконец.

– Для устойчивости, – борясь с желанием погрызть ноготь, ответил Львович. – Вечная мерзлота, сами понимаете... Еще на двадцать метров будем углублять. Вы ведь не хотите, чтобы корпуса через год завалились набок?

Эти слова произвели ожидаемый эффект. Генерал энергично замотал головой:

– Не хочу. Продолжайте.

Львович подмигнул Петровичу и сказал:

– Но грунт оказался очень трудным. Андроиды еле справляются... видите?

Генерал посмотрел на вяло шевелящиеся фигуры в комбинезонах, кивнул, спросил:

– А вон те двое – лежат...

– Переутомление, – пожал плечами Петрович. – Старались, сил не рассчитали...

– Чем кормите? – небрежно поинтересовался генерал.

Компаньоны переглянулись. Все поставки на планету контролировала местная таможня, так что врать не имело смысла.

– Самым дешевым и высокоэнергетическим продуктом, – веско сказал Львович. – Этиловым спиртом!

Генерал что-то промышчал, спросил:

– А это не скажется на качестве работ?

Компаньоны дружно засмеялись.

– Что вы, – успокоил генерала Львович. – Алкоголь у них давно уже встроен в обмен веществ и является продуктом питания... не более того. Так, я говорил о неожиданно твердом грунте?

– Можно так сказать... – кивнул генерал.

– Смета подготовительных работ несколько выросла, – пояснил Львович. – Ненамного... тридцать миллионов... Вот проценточка, всю ночь считал... нет, не это... вот посмотрите!

Генерал молча подписал чек. Даже не глянул, что процентка составлена полчаса назад: сидя в идущем на автопилоте флаере, Львович торопливо набросал несколько процентов – и с понижением суммы, и с повышением, и с точным совпадением с предварительной сметой. На всякий случай. Никогда не угадаешь, в каком настроении придет клиент.

Когда генерал двинулся к своему флаеру – военному, маскировочной бело-серой окраски, возле которого терпеливо мерзли адъютанты, Львович подмигнул Петровичу и сказал:

– Ну? Видал, как надо?

Петрович закряхтел. Выбивать деньги из клиентов он не умел. Вот тянуть сроки, маскировать недоделки...

– Треть – твоя, – милостиво сказал Львович.

Андроиды в котлованах побросали ломы и перфораторы, бросили включенные экскаваторы и бетономешалки – и пустились в пляс.

– Идиот, работай! – рявкнул Львович. – Он же сейчас взлетит, увидит!

Петрович наморщил лоб – и послушные воле хозяина андроиды вновь принялись долбить мерзлый грунт.

– Через недельку закончим, – пообещал Петрович. – Все-таки еще двадцать метров вглубь выбирать...

– Ты что, Петрович? – ласково спросил директор. – К вечеру пусть начинают заливать бетон. И без того лишнего нарыл!

– Ломать – не строить, – слегка смутившись сказал Петрович. – Увлёкся. Я в детстве все мечтал дыру до центра Земли прорыть.

– Это не Земля, так что можно и прорыть, – усмехнулся Львович. – Но не будем обижать милых туземцев, верно? Пускай получают свои санатории...

Генерал был разъярен. Генерал был пунцов и потен. Генерал был громок.

– Что это такое, господин директор? Ко мне заходят друзья, я желаю показать, как продвигается работа, перевожу спутник слежения на полярную орбиту. И что я вижу?

– Что работа стоит, – брякнул Львович наугад. В роскошных апартаментах, предоставленных ему правительством планеты, он был один – и потому не в духе. Проклятые туземки сторонились его как огня. Местные обычаи, будь они неладны...

– Да, стоит... – растерялся генерал. – Как неделю назад все было, так и осталось... Вы знали?

– Конечно же, знал! – воскликнул Львович. – Мы работаем уже четыре месяца...

– Должны были закончить все за три... – вставил генерал. – За два обещали!

– Обещал. А кто не оплатил последнюю смету?

Генерал отвел глаза.

– Я перебрасываю материалы и средства с других планет, – вдохновенно говорил Львович. – Я согласился использовать ваше некачественное серебро для проводки...

– У нас качественное серебро! – возмутился генерал. – Лучшее в галактике!

– Ювелирное – да, – кивнул Львович. – А техническое... это совсем, совсем другое дело! В общем – я делаю что могу. Согласны?

– Можно так сказать... – смирился генерал.

– Но я не могу заставить андроидов работать без отдыха! – продолжал Львович. – Они изнашиваются! Где я возьму новых?

Генерал молчал.

– Так что не волнуйтесь, – продолжал Львович. – Изыщем резервы. Вот только андроиды чуть-чуть отдохнут...

Генерал кивнул.

– А проценточку оплатите, пожалуйста, – ласково сказал Львович. – Мы не можем бесконечно работать на внутренних резервах.

Генерал снова кивнул. Буркнул:

– Вечером пройдет транш...

Экран погас.

А Львович вытер со лба мгновенно выступивший пот и принялся торопливо одеваться.

Андроиды были повсюду. Некоторые бродили у строительных машин, некоторые разлеглись на свежееуложенном бетоне, некоторые, свесив ноги, сидели в пустых оконных проемах.

Львович, кипя от негодования, прошел по стройплощадке. Лететь к остальным корпусам смысла не было. Петрович контролировал всю стройку целиком.

...Прораба он нашел на вершине холма, в разложенном шезлонге, тихо и кротко глядящим в небеса. Теплый плед укрывал его ноги, на столике стояла автономная кофеварка, помаргивала зеленым огоньком готовности.

– Пил? – мрачно спросил Львович, нависая над прорабом.

– Ни в одном глазу, – совершенно трезвым голосом ответил Петрович. – Хочешь, дыхну?

– А что на площадке творится? – возмутился Львович.

– У меня нерабочее настроение, – пробормотал Петрович. – Ты бы знал, где мне сидит эта стройка...

– Петрович! – Директор потряс компаньона за плечи. – Петрович, соберись! Ощути волю к работе!

Петрович вздохнул.

– Мы же строители, – уговаривал его Львович. – Мы строим новые города, мы преобразуем дикие планеты! Романтика!

– Бетон плохой, – мрачно сказал Петрович. – На холода не рассчитан. Сплошные каверны... уже сейчас сыплется...

– Ничего, мы его декоративной пленкой покроем, – успокоил его Львович. – Ну послушай... ну соберись же ты! Ты же в детстве хотел дыру к центру Земли провертеть, а тут какие-то несчастные санатории...

– Так их строить надо... – Петрович вздохнул, взял чашку кофе, выхлебал одним глотком. Сосредоточился.

Андроиды встали. Некоторые даже взяли за инструменты. Но через несколько секунд лопаты и ломы снова попадали из их рук..

– Не могу... – простонал Петрович. – Надоело...

– Вовремя надо было заканчивать! – рявкнул Львович. – Генерал уже насторожился, понимаешь? Если через неделю не сдадим – плакали наши денежки!

– Твои денежки, – пробормотал Петрович. – Что там мне приходится? Двадцать процентов?

– Сорок, – быстро сказал Львович.

Петрович задумался.

– Давай... закончим, получим остаток... – продолжал уговаривать его директор.

– А может, ну его? – спросил прораб. – Мы и так уже наварились изрядно. Сколько нам уже выплатили? Миллиард и сто миллионов?

– И ты готов бросить еще двести? – поразился Львович. – А про местные деловые манеры забыл? Хочешь остаток дней в серебряном руднике провести?

– Я вот что думаю, – печально сказал Петрович. – Почему генерал обратился именно к нам? «Откосы и отвесы» – фирма маленькая, репутация у нас... сам знаешь.

– Должно же было нам однажды повезти? – Львович всплеснул руками. – Всякая корпорация начинается с того, что маленькой фирме привалила удача, большой заказ. Вот и наше время пришло! Петрович! Соберись, родной!

– А сам не хочешь андроидами покомандовать? – язвительно спросил Петрович.

– У меня отпуск, – быстро сказал Львович. – Ты же знаешь, после отпуска надо неделю другую в рабочий ритм входить. Петрович, только ты можешь стройку закончить. Напрягись!

– Может, я у них вялости нахватался, – глядя на меланхоличных андроидов, предположил Петрович. – Обратная связь...

– И ты позволишь безмозглым зомби командовать тобой? – вскричал Львович.

Петрович посуровел. Петрович встал и окинул взглядом уходящие к горизонту корпуса.

Андроиды вздрогнули.

– Ну, вашу механическую мать... – пробормотал Петрович.

Андроиды похватили инструменты и принялись за работу.

– Что бы я без тебя делал, Петрович... – умиротворенно сказал директор.

* * *

Генерал в сопровождении свиты шел по объекту. Стройплощадку вымыли час назад, и все вокруг должно было бы сверкать чистотой и свежестью... вот только компаньоны не учли местный климат. На морозе вода схватилась ледком, и вся территория превратилась в один большой каток.

Но генерал не протестовал. Твердо ставил ногу, озираясь, временами попинывал стены зданий. Петрович болезненно морщился, но стены пока держали.

– Неплохо... – пробормотал генерал. О, божественная музыка этих слов из уст заказчика! – А там что?

– Подстанция, как просили, – влез с пояснениями Львович. – Пройдемте...

Генерал полюбовался толстыми серебряными шинами, уходящими в стену от трансформатора. Потом даже зашел с другой стороны и убедился, что наружу выходят такие же толстые серебряные жгуты.

Петрович подмигнул Львовичу.

– Достойно, – сказал генерал. – Проверим внутреннюю отделку...

Честно говоря, внутренняя отделка оставляла желать лучшего. Даже спартанские пожелания генерала не были соблюдены в полной мере. Но генерал вроде как остался доволен.

– Остальные девяносто девять корпусов совершенно идентичны, – сказал Львович. – Будем смотреть?

Генерал махнул рукой. Пробормотал:

– Заждались уже... отдыхающие. Господа, вечером начнется заселение. Через неделю я жду вас у себя для окончательного расчета. А пока – отдыхайте. Номера в гостинице остаются за вами.

Лицо Львовича вытянулось, но Петрович прошептал:

– Выстоят, не сомневайся...

На том сдача-приемка объекта и была закончена.

* * *

Отель на берегу ласкового тропического моря пустовал. На завтраке, в огромном красивом зале ресторана, Петрович и Львович сидели в гордом одиночестве – лишь в углу жались кучка молчаливых, мрачных отдыхающих. Чтобы развеселить их, Львович даже попытался рассказать о завершении строительства северных пансионатов – но выражение тоски на лицах лишь усугубилось.

– Неладно что-то... – со вздохом сказал Львович. – Что-то не так.

Петрович согласно кивнул, ковыряясь вилкой в бифштексе.

– Знаешь... – Львович вздохнул. – Вот тебе сотня, сходи в магазин.

– Выпивка же бесплатно! – удивился Петрович. – Полный бар в номере...

– Да я не о том, – поморщился Львович. – Купи «Планеты и народы». Лицензионную версию. Надо побольше узнать об их нравах.

– Она сто пятьдесят кредиток стоит, – затосковал Петрович.

– Добавишь полтинник, – отрезал Львович. – Что ты мелочишься, мы с тобой уже в миллионах купаемся!

Петрович закричал, но смолчал.

Через час, удобно устроившись перед компьютерным терминалом, компаньоны запустили энциклопедию.

– Глянь-ка сразу обновления, – попросил Львович.

Петрович неумело полез в меню. Наморщил лоб. И охнул.

У Львовича отвисла челюсть.

«После того, как полгода назад к власти на Прочионе-2 пришла военная хунта генерала Хуана, на планете установился режим жесточайшей тирании. Первым же решением кровавого режима было строительство на планете концентрационных лагерей для инакомыслящих. По предварительным оценкам в лагерях будет содержаться не менее десяти процентов

населения планеты. Большинство строительных корпораций отказалось от участия в этом проекте, он осуществляется силами малоизвестной и беспринципной строительной фирмы. О судьбе свергнутого президента Леонардо нет никаких данных...»

– Приплыли, – сказал Петрович. – Сейчас нам на Земле... за сотрудничество с тираном...

– Или тиран – нам. За некачественную работу. – Львович вгрызся в ноготь. – Петрович...

– А?

– Твоя колымага на ходу?

– До Земли долетит. Если малым ходом... на прямой прыжок горючки нет, да и движок...

– Петрович, время не ждет.

– Мы еще не все деньги получили... – глядя на Львовича стеклянными глазами, произнес Петрович.

– Нам бы ноги унести! – рявкнул Львович. – Хорошо еще андроидов успели товарным рейсом отправить. Давай собирайся!

Первым делом он упаковал гостиничные банные халаты и полотенца.

Боевой крейсер Проциона-2 догнал корабль Петровича через три дня – три дня, заполненные руганью, пьянством и взаимными упреками.

– Крендец! – сказал Петрович, глядя на экран. Крейсер был большой, блестящий и красивый. Такие могут планету в пыль смолоть, а не маленькую старую яхту.

– Давай сдадимся... – предложил Львович. – Или на Землю сигнал бедствия дадим...

– На Земле нас... за сотрудничество с тираническим режимом генерала Хуана... – Петрович всхлипнул. За последние дни они многое узнали о «можно так сказать» генерале.

Боевой крейсер распахнул огромный шлюз и стал наплывать на улепетывающую яхту.

– Вон уже и конвой на причальной палубе выстроился... – скорбно сказал Львович.

Петрович насторожился:

– Что-то на конвой не похоже... флажками машут...

Он постучал по кнопкам пульта – и на экране возникло радостное розовощекое лицо. Человек возбужденно говорил в микрофон.

– Итак – вот он, торжественный миг! Наш корабль готовится принять на борт спасителей демократии Проциона-2! Позволю себе напомнить хронику событий...

На экране появились фотографии Петровича – в шезлонге и с пледом, и Львовича – тоже в шезлонге, но с бокалом коктейля.

– Пять месяцев население нашей планеты проклиняло этих людей. Пять месяцев мы наблюдали за тем, как они воздвигают в диких северных краях концлагеря – оборудованные электрическими стульями, пыточными камерами, карцерами, душегубками...

– Какими еще душегубками? – простонал Петрович, но вспомнил «камеры санобработки» и смолк.

– И никто не знал, что все это время два непритязательных с виду человечка готовили удар в спину диктатуры! – продолжал заливаться соловьем журналист. – Когда трое суток назад несломленный президент Леонардо был посажен на электрический стул и на всю планету началась трансляция церемонии его казни, герои спешно покинули нас. Не станем винить героев – ведь верные диктатору войска первым делом бросились на их поиски... Итак, после того, как при включении рубильника перегорела вся проводка во всех бараках – по плану серебряная, по сути, как выяснилось, алюминиевая...

– Ты что, ее последовательно подключал? – охнул Львович.

– А как еще можно? – удивился Петрович.

Журналист продолжал. Он рассказывал, что от одного удара ноги рушились стены бараков, что колючая проволока оказалась некондиционной и мягкой, что условия жизни в казармах охраны оказались еще хуже, чем в бараках для заключенных, – так что солдаты были полностью деморализованы. Попытка диктатора вызвать на помощь наемников с других миров тоже провалилась – в казне не осталось ни единого кредита.

При словах «Орден слюдяной доблести первой степени» Петрович блаженно улыбнулся и потерял сознание.

Церемония награждения была краткой, но красочной. Президент Леонардо, измученный, но не сломленный, лично прицепил сверкающие ордена к потным рубашкам компаньонов. Потом, извинившись, сказал, что перечисленные диктатором деньги будут, конечно же, заморожены. Все, за исключением пошедших на *реальные* расходы. Господин президент Леонардо прекрасно понимает гуманистический порыв Петровича и Львовича, пытавшихся разорить тирана, но не собираются же они в самом деле наживаться на страданиях целой планеты? Ведь Проциону-2 еще предстоит восстанавливать разрушенную за полгода экономику...

– Мы могли бы помочь вам... – воспрял духом Львович. – Если вам нужны шахты, дворцы, настоящие санатории...

Президент посмотрел на телеоператора – и тот отключил камеру.

– Нам нужны герои, – сухо сказал Леонардо. – Потому я цепляю вам эти ордена... специально придуманные два дня назад. А вы нам не нужны.

Он помедлил секунду, потом добавил:

– Я сам строитель. А вы – шабашники.

Уже на подлете к офису молчавший до сих пор Петрович спросил:

– Ну, мы ведь заработали? Хоть немного? Да и в гостинице такой пожили...

Львович кивнул, начал грызть ноготь на левой руке.

– Генерал был ничего... – пробормотал Петрович.

– А президент – скотина! – не выдержал Львович. – Никакой корпоративной солидарности!

Сухими из воды

В дверь постучали.

– Сильнее, заедает! – не оборачиваясь, воскликнул Львович, директор строительной фирмы «Откосы и отвесы».

Стук усилился – и дверь, жалобно всхлипывая старым сервомотором, уползла в стену. На пороге появился Петрович – прораб, главный инженер и главный технолог фирмы.

– Совсем разладилась старушка, – огорченно сказал он, опуская универсальный инструмент – в данный момент похожий на молоток. – Нехорошо.

– Отрегулируй, – предложил Львович.

– Да я, собственно, по делу, – быстро сказал Петрович. – Клиент!

Львович попытался скептически хмыкнуть. Для последнего найденного Петровичем клиента они построили концлагерь, хотя были уверены, что строят санаторий. И только счастливая случайность спасла приятелей от наказания.

Но хмыканье против воли получилось задорным, радостным. Клиент – это стройка. Стройка – это проценточки. Проценточки – это деньги.

– Что строить? – спросил Львович.

– Аквариум! – гордо сказал Петрович.

Львович вздохнул и посмотрел в иллюминатор. Их офис располагался в старой космической станции на геостационарной орбите. Место, конечно, козырное – Земля рядом, центр, можно сказать. Но если честно – дыра дырой!

– Петрович, – ласково произнес директор. – А унитаз нас не просили построить? Или стенной шкаф?

Петрович нахмурился:

– Не понял юмора.

– Аквариум – разве это размах? – спросил Львович. – Аквариум – это ящик из стекла, на дне – песок, в песок воткнуты растения, вокруг рыба плавает. Ну что на этом заработаешь?

– Как хотите, – с оскорбленным видом сказал Петрович. – Тогда я увольняюсь. С таким заказом...

– Подожди-подожди! – насторожился Львович. – С каким это таким?

– Аквариум! Сто на сто двадцать метров! Высотой двадцать!

Львович встал и погрозил Петровичу пальцем:

– Так бы и сказал! А то... аквариум... у меня у самого был в детстве аквариум, на два ведра... гуппи всякие, моллинезии. Между прочим, размножались в неволе!

– У меня и сейчас есть, – успокоился Петрович. – Только я пираний держу. Я так на заказчиков и вышел, между прочим. Зашел в клуб аквариумистов, хотел там кой-чего для своих рыбешек прикупить... И натыкаюсь на мужика. Глаза горят, руки трясутся. Спрашивает: кто здесь может аквариум быстро построить? Мне, говорит, нужен сразу и строитель, и аквариумист. Я как слово «построить» услышал, так сразу его за руку – и в бар. Ну, слово за слово... опыт, говорю, есть...

– Петрович, тебе премия, – расчувствовался директор. – Масштабы, конечно, не самые большие, но все-таки... Молодец. Где строим?

– В Москве.

– На Земле, что ли? – Львович помрачнел.

– Ну да.

– У нас же лицензию отобрали! Не имеем мы права строить в Солнечной системе!

– Спокойно. – Петрович усмехнулся. – Есть нюанс. Строим на территории отеля «Хилтон-Вселенная». Согласно законам, эта территория находится под межгалактической юрисдикцией. Так что имеем мы право. Имеем как хотим!

Львович расплылся в улыбке. Развел руками. Щелкнул пальцами. И бодро изрек:

– Заводи свою колымагу! Поедем знакомиться с объектом работы.

– Может, вначале с заказчиком? – поинтересовался Петрович.

– Я его и имею в виду, – снисходительно объяснил Львович.

Все-таки даже самым сообразительным подчиненным не хватает подлинной лидерской жилки!

Заказчик Львовичу понравился. При появлении строителей вскочил из кресла, бросился навстречу, принялся жать руку, бормоча:

– Вас мне сам Бог послал!

Петрович гордо улыбнулся и словно бы стал выше ростом.

– В чем проблемы? – спросил Львович, осторожно высвобождая ладонь из потных рук директора. – Ремонт требуется?

Заказчик оторопел. Сверкающий кабинет управляющего отелем «Хилтон-Вселенная» всем своим великолепием демонстрировал, что не нуждается в ремонте. Стеклопакеты во всю стену выходили в зимний сад, изящная мебель из металла, стекла и радужно переливающихся силовых полей стояла в идеальном состоянии, в воздухе роились крошечные феи-светильники, созданные биоинженерами Чужих.

– Ремонт? – переспросил управляющий. – Зачем? Я же объяснял!

– Петрович мне что-то говорил, – поморщился Львович. – Но дел много, только что предложили крупный правительственный заказ... оборонка! Сами знаете, на границе с Булями беспокойно... Все в голове не удержишь.

Управляющий закивал, успокаиваясь.

– Нет, нет! Ремонт не нужен. Отель в прекрасном состоянии...

Но Львовича уже понесло.

– В прекрасном? – Он подхватил стул. Силовое поле призывно мерцало, готовясь принять директорское кресло. Но Львович небрежно размахнулся и ударил стулом о стеклянную стену.

Раздался мелодичный звон – и более ничего.

– Вот видите, все очень функционально... – пробормотал управляющий. – Прочно...

– Прочно... – печально сказал Львович. – А вы задумывались, как чувствует себя человек, живя в окружении вечных, неломящихся вещей? С каким чувством садится на стул, зная, что стул этот просуществует века? Все эти небьющиеся стекла, самопочиняющаяся мебель, мусороулавливающие полы... – В доказательство своих слов Львович достал из кармана горсть шелухи от семечек и высыпал на пол. Пол послушно зачавкал, поглощая мусор. – Все это вызывает глубокое чувство неполноценности! В то время как сработавшая по старинке мебель и слегка, нарочито некачественный ремонт поднимают человеческую самооценку, тренируют внимательность, гармонизируют организм!

– Очень интересно, – сказал управляющий. – Я как-то не задумывался...

– Если захотите сделать отель более комфортным – обращайтесь, – кивнул Львович. – Так. В чем ваши проблемы?

– Аквариум! – выдохнул управляющий. – К завтрашнему вечеру нам нужен большой аквариум, на двести сорок тысяч кубов воды!

– Стеклопакеты? – поинтересовался Львович. – Полимеробетон, к примеру...

– Стеклопакеты! – Управляющий замахал руками. – Только стеклопакеты! Примыкающий к отелю. С красивым ландшафтом внутри... растения, гроты, отмели...

- К завтрашнему вечеру? – иронично уточнил Львович. – А серьезно?
- Куда уж серьезнее... – Управляющий промокнул пот со лба. – Называйте вашу цену. Львович искоса посмотрел на Петровича. Петрович сделал большие глаза.
- Надо посчитать... – произнес Львович и задумался.
- Компьютер? – робко предложил управляющий.
- Тише! – цыкнул на него Петрович. – У Львовича компьютер имплантирован в голову.

Он уже считает!

Управляющий уважительно кивнул и замолчал.

Львович и впрямь считал. Честно говоря, имплантирован ему был вовсе не компьютер, а калькулятор. Но хороший, инженерный, с множеством лишних функций.

«Сутки работы андроидов – пятьсот кредитов, – размышлял Львович. – Стекло, если брать на лунных заводах, это еще тысяча. Но на Луну времени нет, придется покупать на месте... две тысячи. Песка на месте нароем, растения Петрович у своих аквариумистов закупит... а не хватит – в Яузе нарвем... Транспортные расходы – еще полторы тысячи... Итого: $500 + 2000 + 1500 = 4000$ ».

– Триста тысяч, – сказал Львович и огорченно покачал головой. – Только из уважения к вашему отелю. Но если...

– Что вы. – Управляющий облегченно улыбнулся и замахал руками. – По смете нам отпущено полмиллиона!

У Петровича лязгнула челюсть. Но Львович даже не изменился в лице.

– Но если вы хотите не просто аквариум, а со всем биоценозом – песок, растения, улитки, рыбки, – то не менее шестисот двадцати пяти тысяч.

– Рыбок не надо, – быстро сказал управляющий.

– Шестьсот, – вздохнул Львович. – Пятьсот девяносто... за пятьсот девяносто потянем, Петрович?

Петрович вздохнул и пробормотал:

– Что ж, без прибыли работать?

– Зато интересный объект! – улыбнулся Львович. – Итак?

– Нам отпущен правительственный транш на полмиллиона... – Управляющий жалобно посмотрел на строителей. – А если еще чуть-чуть ужаться?

В итоге, пожертвовав улитками, сошлись на пятистах сорока пяти тысячах. Петрович, правда, предупредил, что без улиток не гарантирует поддержания чистоты воды, но управляющий смирился и с этим.

Выйдя из кабинета управляющего, друзья обменялись понимающими взглядами.

– Пулей на орбиту! – велел Львович. – Хватай баржу с андроидами – и сажай прямо на космодром отеля. Я пока организую доставку горючего для рабочих.

Петрович достал ключи зажигания и потрусил к своей старенькой яхте.

Неприятности с андроидами начались сразу же. В целях экономии времени Петрович начал разморозку еще при посадке, проще говоря – отключил теплоизоляцию грузового отсека. В результате те андроиды, что были складированы у бортов баржи, вполне оттаяли, а некоторые даже перегрелись и выбирались из трюма пошатывающейся походкой. Те же, что хранились в центре, остались полумороженными. Петрович, ругаясь вполголоса, оттаивал их при помощи паяльников и утюга, когда в люк заглянул управляющий.

– Это... это что у вас – андроиды? – запинаясь произнес он.

– Они самые, – добродушно отозвался Петрович из облака пара. Ему как раз попался особенно обледеневший андроид, и пришлось включить в утюге подачу пара в турборежиме. Рядом оттаивали еще трое, которым Петрович засунул паяльники в самые удобные для этого отверстия.

– Но на Земле запрещено применять андроидов! – воскликнул управляющий. – Нас всех посадят!

– Не дрейфь, – успокоил его Петрович, проглаживая андроиду лицо. – Территория вашего отеля находится под галактической юрисдикцией. Все в ажуре.

Управляющий чуть успокоился, но что-то продолжало его тревожить. Вскоре выяснилось, что именно.

– Труд андроидов... он же не оплачивается.

– Угу, – не стал спорить с очевидным Петрович.

– Так за что же я буду вам платить?

Петрович неторопливо извлек паяльник из разморозившегося андроида и повернулся к управляющему:

– А за наш труд. За мотивацию. Чтобы андроид работать начал – я должен очень сильно о работе думать. Думаете, просто?

– Нет, нет, – косясь на паяльник, пролепетал управляющий. – Но поймите, этот аквариум крайне важен! Вы уж...

– Да не беспокойтесь, – улыбнулся Петрович. – Как для себя делать буду. Сам аквариумист, ей-же-ей!

Как ни странно, но эти простые слова оказали на управляющего волшебное действие. Он успокоился и только попросил:

– Вы уж поаккуратнее со своими... гомункулусами. В отель их не заводите... Может, питание организовать? Я распоряжусь, чтобы из ресторана приносили помои.

– Да они у нас на спирту, – отказался Петрович. – Вот нам со Львовичем обед не помешает. И ужин!

Когда появился Львович – за его машиной тянулась вереница автоцистерн, работа уже кипела. Петрович сидел на табуретке у края котлована и хмуро смотрел вниз. Внизу сновали свежеразмороженные рабочие. Энтузиазм Петровича был так велик, что те андроиды, кому не хватило кирки или лопаты, рыли грунт голыми руками.

– Ого! – Львович присвистнул, останавливаясь за спиной Петровича. – Ну ты силен! Стахановец!

Петрович вздрогнул, смутился. Рабочие застыли, опустив инструменты.

– Да я... задумался, – смущенно сказал прораб. – Это случайно.

– И великолепно! – ободрил его Львович. – Так и надо работать. С огоньком. Пусть дороют котлован – и будем их заправлять.

– Да хватит уже, – поглядев в яму, сказал Петрович. Достал лазерную указку-дальномер, ткнул вниз. – На четыре метра углубились, пойдет...

– Никаких «пойдет»! – Львович сразу стал серьезен. – Петрович, мои слова могут тебя удивить, но мы будем работать на совесть.

Петрович иронически улыбнулся. Принюхался.

– Ты что, горячее пробовал?

– Пробовал, конечно, – признал Львович. – Вечно норовят разбавить. Но не в этом дело, Петрович. Мы с тобой будем вкалывать так, словно от этого зависит судьба всего человечества!

– Зачем? – только и спросил Петрович. – Директор, да ты спятил! Какой-то дурацкий аквариум!

– Это наш шанс, – кротко пояснил Львович. – Сдадим ударно объект для «Хилтона» – перед нами все дороги откроются.

Петрович крикнул и задумался. А Львович жарко прошептал ему в самое ухо:

– Ты посуди – с чего при таком правительственном бюджете поручают работу случайной фирме? Неужели своих, прикормленных, мало? А я тебе объясню. Это какое-то секретное задание государственной важности. К примеру – решили удивить высокого гостя, неравнодушного к аквариумистике! Потому и сроки ударные, потому и наняли нас с тобой. В общем – сделаем все хорошо, заведем знакомства в высших сферах!

– Сделаем все хорошо... – задумчиво произнес Петрович. Лицо его озарилось тихой улыбкой. – А давай... мы ведь можем! У меня дипломная работа была – курятник на Марсе построить. Так я такой курятник спроектировал – его во время войны с Сириусом как бомбоубежище использовали! Перекрытия – из титанобетона! Во! Прямое попадание протонной торпеды выдержали!

Львович кивнул:

– Верно. Ну их... эти приписки. Я подумал... аквариум будем делать из бронестекла, которое на иллюминаторы военных кораблей идет. Нам это, конечно, встанет не в две тысячи, а в двести.

Петрович ойкнул.

– Зато – поднимемся, – резюмировал Львович. – Так что... собери волю в кулак. Нам бы ночь простоять да день продержаться!

– Давай, Львович, – кивнул прораб. – Попробуем.

И они ударили по рукам.

* * *

Управляющий навел стройплощадку в полночь. К его удивлению место работ не освещалось. Впрочем, судя по грохоту отбойных молотков и реву бетономешалок, трудовой процесс шел.

Вскоре, ориентируясь на тусклый свет дисплея, он отыскал Петровича. Прораб сидел в шезлонге, глядя на экран и хмурия лоб. На экране, в призрачном зеленом свете, носились взад-вперед неясные фигуры с чем-то тяжелым наперевес.

– Это чего? – тихо спросил управляющий. – Игрушка какая-то?

Петрович обратил на него утомленный взгляд. Хмыкнул:

– Игрушка? Прибор ночного видения! Контролирую стройку.

Управляющий понимающе кивнул, но все-таки поинтересовался:

– А почему не поставили фонари? Если хотите... у меня свояк на орбитальном зеркале работает... сейчас чуть-чуть повернет, лучик пустит – станет как днем...

– Ни в коем случае! – запротестовал Петрович. – Наши андроиды во тьме работают лучше!

– Почему?

– Халтурить привыкли, – мрачно признал Петрович. – Если видят, что работа уже кое-как годится, – прекращают вкалывать. А так, в темноте, на запах и на ощупь... повинаясь силе моей мысли... очень даже качественно получается. – Он подумал и грустно добавил: – Вот такое ноу-хау... своего рода.

– А где Львович? – шепотом спросил управляющий.

– Заправляет вторую смену. – Петрович неопределенно кивнул. – Сходите посмотрите. Работают интенсивно, горючку жрут непрерывно, по пол-литра в час, не меньше...

Управляющий сходил.

Взгляду его открылась удивительная картина. На резервном поле отельного космодрома лежали рядами две сотни андроидов. Между ними резвой трусцой двигался Львович, волоча за собой заправочный пистолет на длинном шланге, подключенном к автоцистерне. На мгновение останавливаясь у каждого андроида, Львович всовывал тому в рот заправоч-

ный пистолет, на две секунды нажимал на спуск. Андроид слегка вздрагивал. Львович вынимал пистолет и вкладывал в рот андроида плавленый сырок из висящей на поясе сумки. По причине жаркой погоды и интенсивной работы Львович был в одних трусах. Временами он останавливался, утирал пот со лба, делал глоток из заправочного пистолета – и продолжал свой труд. Директор казался удивительным андроидом, получившим свободу воли, но не бросившим на произвол судьбы беспомощных товарищей.

– Я был к ним несправедлив... – прошептал управляющий и покинул стройплощадку – совершенно успокоенный.

К полудню аквариум был в общих чертах готов.

Величественное сооружение приковывало взгляд. Могучие бетонные столбы крепко держали огромные листы бронированного стекла. Подлетающие один за другим грузовые корабли сыпали на дно аквариума промытый и прокаленный морской песок. В этом пыльном аду сутились неутомимые андроиды – лепили из быстросохнущего пластика гроты, насыпали холмы, создавая ландшафт, живописно раскладывали коряги и валуны.

Но больше всего приковывала взгляд ржавая подводная лодка посреди аквариума.

– Очень оживляет, не находите? – весело спросил Львович. – Это мы в счет не ставим. Наш презент!

– Симпатично, – признал управляющий. – Но я даже не знаю... подводная лодка... как-то очень неожиданно...

– Поверьте старому аквариумисту, – фыркнул Петрович. – Ничто так не оживляет аквариум, как пластиковая моделька затонувшего корабля или водолаз, из которого идут пузырьки воздуха! Но у вас аквариум большой, ставить в него муляж – неприлично. Мы нашли настоящую подлодку.

– Их в морях – видимо-невидимо. – Львович снисходительно махнул рукой. – Не волнуйтесь.

– К шести вечера закончите? – осторожно спросил управляющий.

Компаньоны переглянулись – и кивнули.

– Успеем, – сказал Львович.

– А ведь успеем, – прошептал Петрович. – Нам только водичку осталось залить... водоросли воткнуть...

В пять часов вечера Петрович и Львович, молчаливые и просветленные, стояли у огромного аквариума, выросшего рядом с отелем «Хилтон-Вселенная». За их спиной андроиды меланхолично грузились в баржу.

– Успели, – сказал Львович.

– А ведь красиво... – вздохнул Петрович. – Нет, ты погляди! Умеем, когда хотим!

Заходящее солнце сверкало в стеклянных плоскостях. Причудливые водоросли плавно колыхались в чистой голубовато-изумрудной воде. Мощные прожектора просвечивали аквариум насквозь. Потоки воздуха вырывались из подводной лодки, создавая на поверхности воды изрядное волнение.

– Из бластера можно палить – выдержит, – сказал Львович. – На века!

– Но без рыбок как-то даже стыдно сдавать, – вздохнул Петрович. – Слушай, директор... А хочешь, я пираний своих сюда запущу?

– Да сколько у тебя рыб-то? – засмеялся Львович. – На такую дуру – сейнером надо отлавливать.

– Клонировем, – предложил Петрович.

– Дорого, – отрезал Львович.

– Тогда я рыбьего возбудителя в аквариум залью, – предложил Петрович. – Это химия, она дешевая. За сутки отнерестятся и все икринки вырастут!

– Добрый ты, Петрович. – Львович задумчиво посмотрел на пустой аквариум. – А давай! Только быстро, нам через час сдавать работу!

– За сорок минут успею, – пообещал Петрович.

И успел.

В шесть часов вечера, когда управляющий долго жал строителям руки и подписывал акт сдачи-приемки, веселая стайка серебристых рыбешек уже метала икру вокруг подводной лодки.

– Восхищен качеством работы, – повторял управляющий. – Восхищен. Я вас никогда не забуду!

И он не покривил душой.

Петровича разбудил стук в дверь. Звонок перегорел с месяц назад, починить его руки все никак не доходили. Покосившись на часы – полдесятого утра, – Петрович зевнул и побрел открывать. Сутки ударной работы не прошли даром, даже по квартире передвигаться – и то было лениво.

В дверях стоял Львович:

– Ты новости смотришь?

Что-то в его голосе заставило Петровича обернуться и приказать:

– Телевизор, последние новости!

Экран послушно засветился. Замелькали кадры – телевизор листал каналы, отыскивая требуемое.

Наконец послышался голос диктора:

– ...в обстановке глубокой секретности. Даже апартаменты для парламентариев были построены частной строительной фирмой, не знающей о важности своей работы. Сейчас наш корреспондент находится на территории отеля «Хилтон-Вселенная», где и обосновались воинственные Були...

Петрович сел на пол. Рядом устроился Львович.

А на экране корреспондент в гидрокостюме сидел на краю аквариума и беседовал с огромной серебристой касаткой.

– Скажите, какие требования выдвигает ваша уважаемая делегация?

Исполинская пасть шевельнулась, открывая кинжально-острые зубы. Послышался неожиданно тонкий свистящий голосок:

– Первоначально мы хотели потребовать от людей отдать нам звездную систему Ауринду с ее прекрасными прохладными морями и неисчерпаемыми запасами вкусной рыбы. Но когда мы прибыли на Землю, наше мнение изменилось. И причиной послужило ваше коварство.

– На мой взгляд апартаменты... э... удались, – осторожно сказал репортер.

Касатка одарила его злобным взглядом:

– На первый взгляд апартаменты неплохи. Мы не подозревали о коварстве людей, пока не обнаружили, что в центре помещения лежит радиоактивный корабль, отравляющий воду.

– Говорил я тебе – батарейка в счетчике Гейгера села! – не выдержал Петрович. – А ты «чисто, не фонит...».

Львович молчал. Он грыз ноготь.

– После этого мы решили, что потребуем у землян еще и системы Узар, Хива и Дилит-рэй, – сообщила касатка. – В качестве наказания за оскорбление наследного принца.

– Примите мои извинения, ваше высочество, – быстро вставил репортер.

– Позже мы поняли, что наши страдания только начинаются, – продолжала касатка. – Вода в апартаментах нагревалась, теряя живительный кислород. Дышать можно было лишь у затонувшего корабля, через который компрессоры качали воздух. Но тут и уровень радиации был наиболее высок...

– Я тебе привозил термостат, – сказал Львович. – Ты его поставил?

– Поставил! – возмутился Петрович. – Конечно!

– А включил?

Петрович промолчал.

– Мы оказались зажаты между двумя опасностями: задохнуться и облучиться, – рассказывал тем временем наследный принц Булей. – Стало понятно, что таким образом вы, люди, намекаете на свою готовность отравить наши океаны радиоактивными отходами или вскипятить с помощью мощных лазеров. Мы посоветовались и решили, что в качестве компенсации будем требовать от людей передать нам все моря и океаны на всех планетах. Мы выдержим и радиацию, и перегрев!

– Нам крышка! – убежденно сказал Петрович. – Нас посадят лет на миллион. И то потому, что смертная казнь отменена.

– Ты дальше слушай, – велел Львович.

– Чтобы привлечь внимание окружающих, мы решили разбить стекла своей тюрьмы. Но к нашему удивлению стекла оказались бронированными, предназначенными для боевых кораблей! Недвусмысленное послание – у людей так много брони, что они употребляют ее повсюду! Но мы не смирились. У нас тоже много кораблей, и мы готовы воевать! Мы решили, что потребуем у людей еще и все озера...

Петрович обхватил голову руками и застонал.

– Однако человеческое коварство оказалось воистину чудовищным, – продолжал наследный принц. – Внезапно отовсюду на нас набросились стаи мелких кровожадных рыбок! Мы уничтожали их тысячами, но они плодились с немыслимой скоростью. Большая часть делегации сейчас отлеживается на отмели... надеюсь, что мои подданные выживут. И мы поняли намек. Вопреки всем нормам галактического поведения вы готовы заразить наши океаны свирепыми хищниками! Что ж, в таких условиях мы отказываемся воевать и уступаем вам звездную систему Ауринда. Надеюсь, что галактическое сообщество покроет вас позором за столь гнусные и недипломатические угрозы!

– Благодарю вас за интервью, – вежливо сказал репортер. – Итак – пограничный конфликт остался в прошлом?

– Да, – пропищала касатка. – Да. Мы сегодня же улетаем обратно. Но я очень надеюсь, что когда-нибудь встречу тех представителей человечества, которые построили для нас столь комфортабельные апартаменты. Я даже приглашаю их посетить нашу планету.

Клыкастая пасть изогнулась в подобии улыбки – и экран погас.

Петрович почесал затылок:

– Львович... так все хорошо закончилось! Что ж ты меня напугал?

– К морю теперь близко не подойти, – горестно сказал Львович. – Точно знаю, что среди наших акул есть шпионы Булей! А я так любил купаться...

– Ерунда какая, – фыркнул Петрович. – Есть горы, пустыни, леса! Болота, в конце концов! Знаешь, как хорошо летом в средней полосе? Грибы, ягоды, молочко парное... Банька, самогон, русская печка...

Львович мрачно кивнул.

– Что случилось? – насторожился Петрович.

– Утром новый заказ поступил, – сказал Львович. – Я, если честно, уже подписал контракт.

– Ну?

– Надо построить загон для кроликов. В Подмоскowie. Пять на восемь километров. Вот я и думаю, как в этот раз строить будем? На совесть? Или как обычно?

Тематические сборники – редкое явление в нашей фантастике. А уж сборник «кошачьей фантастики» – проект неслыханно дерзкий. Но сборник «Человек человеку кот», составленный московским критиком Андреем Сеницыным, оказался удачен. Если не ошибаюсь, он выдерживает уже пятое переиздание.

Написал рассказ для этого сборника и я.

Некоторые считают, что тематические рассказы чем-то мешают автору, «сковывают фантазию», «заставляют писать одинаково». Это совершенно неверно. Это все равно что предположить, будто тема «женский портрет» заставила бы «одинаково рисовать» Рубенса и Тропинина, Дали и Пикассо.

В рассказе «Купи кота» кот, конечно, не главный персонаж:.

Но без него эта история имела бы совсем другой конец.

Купи кота

– Купи кота, – посоветовали ему.

– Почему кота? – спросил Максим. – Почему не собаку?

Он привык доверять советам бывалых людей, да и сам всегда старался подсказать сменщику. Порой один короткий совет стоит месяца подготовки и чтения инструкций.

– Собаку жалко. Собака привыкает к человеку, а кот – к месту. Ты все равно не потащишь животное обратно на Землю. Я много думал и понял, что тебе посоветовать. Купи кота.

Максим с любопытством посмотрел на человека, полгода проработавшего в полном одиночестве. Чего в нем было больше – неприязни к цивилизации или неудержимой тяги к приключениям? Максим не знал. Но сентиментальности на первый взгляд не наблюдалось.

– Мне доводилось бывать в одиночестве, – заметил Максим. – Я три месяца торчал на Луне. И еще настраивал станцию на Плутоне...

– Плутон – это близко, – поморщился его предшественник. – Совсем рядом. Купи кота.

Маятниковый или, как еще иногда говорят, резонансный звездолет не нуждается в пилотах. У него все равно нет двигателя. Он стартует-то всего один раз – после чего материя звездолета оказывается нелинейно распределенной по будущей трассе полета. Теоретически звездолет одновременно находится и в точке отправления, и в точке прибытия, и на всем векторе между ними, разнятся только вероятности.

В точке старта маятниковый звездолет появляется раз в полгода. Воздух над бетонным полем начинает дрожать будто от жара, мутнеет, возникают решетчатые опоры, цилиндрические жилые отсеки и служебные помещения. Он не слишком походит на звездолет из фантастического фильма, скорее – на космическую станцию.

Когда звездолет окончательно обретает реальность и тяжело приседает на амортизаторах, на космодроме ревет сирена. Откидывается трап, торопливо выходят немногочисленные пассажиры. Техники стыкуют к служебным отсекам бронированные кабели и трубы, вкатывают на грузовые пандусы контейнеры с пищей, баллоны с воздухом, почту и посылки, многочисленные грузы для единственной земной колонии. Взамен выгружают немногочисленные дары чужого мира – деревянные ящики, чье содержимое порой дешевле досок из инопланетного дерева, контейнеры с фруктами и овощами, чья судьба – оказаться на столе у миллионеров, тюки с разноцветными мехами и яркими перьями, небольшое количество редких металлов и драгоценных камней.

Выгрузившихся пассажиров сажают в автобусы и увозят к зданию порта, а на их место уже спешат новые путешественники. Затем меняется экипаж – техники, стюарды, врач, штатный корабельный психолог и массовик-затейник. Примерно в это же время подкатывают цистерны ассенизаторов, выкачивают отбросы и промывают мусорные танки. Отсоединяют трубы – вода подается под большим давлением, и на заполнение емкостей хватает пятнадцати минут. Потом отключают электрические кабели.

Звездолет находится в точке старта тридцать семь с половиной минут. Как правило, персоналу хватает менее получаса. За пять минут до отправления люки задраивают, техники удаляются на безопасное расстояние. В воздухе целая симфония запахов – вонь солянки от мощных дизельных грузовиков, смрад пролитых второпях нечистот, острый озоновый дух и странный, ни на что в мире не похожий аромат: так пахнет сам звездолет, на полчаса воплотившийся в реальность. Наверное, такой запах стоял во Вселенной в первый день творения, когда возникло само пространство и время.

Еще через пять минут звездолет становится прозрачным и исчезает.

У звезды Барнарда он появится почти через три месяца полета, на те же самые тридцать семь с половиной минут. И все повторится. Маятниковые звездолеты никого и никогда не ждут, их путь определен не расписанием, а законами физики.

Трехмесячное путешествие в замкнутом пространстве – нелегкий путь. В немногочисленных иллюминаторах видна лишь серая муть нереальности. Уединиться можно лишь в туалете, да и то ненадолго. Для того и введены в экипаж психолог и массовик-затейник – чтобы будущие колонисты вытерпели, не сошли с ума и не перегрызли друг другу глотки. Для того существуют и довольно просторный карцер, и парализующие пистолеты у экипажа.

Но в пути пассажиров ждет одно развлечение: точка равновесия. Где-то на полпути между Солнцем и звездой Барнарда дрейфует в межзвездной пустоте астероид – строительный мусор галактики. В нем нет ничего примечательного, таких глыб из камня и льда в Солнечной системе несметное количество. Но маятниковый звездолет, проходя точку равновесия, тянется к любой гравитационной аномалии.

И корабль возникает у астероида. Совсем ненадолго, на три с половиной минуты, будто замерший на миг в нижней части траектории маятник. Каждые три месяца – на три с половиной минуты...

Когда-то ученые рвались на этот астероид. Каменная глыба в межзвездной пустоте казалась им уникальным подарком судьбы, бесплатным приложением к колонии у звезды Барнарда. Вначале на астероиде построили станцию, а уж потом год за годом пытались найти смысл ее существования.

Смысла не оказалось. Та же Церера или Веста, только в трех световых годах от Земли. Астероид назвали Точкой Равновесия, аппаратуру перевели на автоматический режим работы.

И вот уже четыре года, как на Точке Равновесия дежурит один-единственный человек. Формально – ученый, фактически – техник, меняющий записанные диски на чистые и в меру сил исправляющий поломки. А если уж докапываться до самой сути, человек на станции – еще один шоумен, развлекающий путешественников, живая иллюстрация к фразе «плохо человеку, когда он один». За те три минуты, пока корабль не отправится в дальнейший путь, пассажиры должны проникнуться ужасом его одиночества.

Говорят, вторая половина пути всегда проходит легче. Люди становятся бережнее друг к другу.

Максим купил кота на Птичьем рынке. Почему-то казалось неправильным брать с собой на астероид породистого кота, будь то изнеженный перс, хитрый сиамец или надменный русский голубой. Их и на Земле ждала неплохая судьба.

Максим купил самого обычного беспородного котенка, черного как смоль, лишь на грудке – маленькое белое пятнышко. Котят продавала серьезная девочка лет двенадцати, «за рубль, чтобы прижился», как она сразу же сообщила Максиму. Максим извлек из корзинки жалобно мяукающий черный комочек, спросил:

– Это кот?

– Конечно! – запрокидывая котенка на спину, сказала девочка. – Вы что, не видите, какие у него здоровые пушистые яйца?

Максим смешался, заплатил рубль и больше вопросов не задавал. Котенка он вез домой за пазухой, и тот терпеливо ждал до самого дома, напрудив лужицу лишь на полу в прихожей.

Мама к появлению котенка отнеслась стоически. Она ко всему относилась стоически, как и положено правильной еврейской маме, воспитывающей тридцатилетнего сына-охладмона. Напоила котенка молоком, сходила к соседке-кошатнице и принесла таблетки от глистов.

– Еще не хватало, чтобы ты вез в космос всяких нематод, – сообщила она, впихивая в пасть упрямому котенку таблетку. – Космонавт...

К затеи Максима она относилась спокойно, будто к командировке в другой город. Наверное, этот стоицизм выработался у мамы в детстве, когда ее едва успели вывезти обратно в Россию. Когда в семь лет совершенно случайно становишься «йоред», убежав от войны – космоса уже не боишься.

– Я не космонавт, – сказал Максим. – Я астрофизик. Но я работал на Луне и на Плутоне...

– Ты идиот, – спокойно сказала мама. – Только идиоты делают глупости, когда их бросает женщина.

Нормальные люди уходят в работу и совершают великие открытия. Или зарабатывают огромные деньги.

– Я и ушел в работу, – попытался отбиться Максим. – И заплатят мне, кстати, очень даже...

– Что ты там будешь делать? – спросила мама. – Протирать железяки? Кормить кота?

– Кормить кота тоже придется.

– Купи мышей, – посоветовала мама. – Создай замкнутую экологическую систему.

По профессии мама была биологом. К ее советам Максим обычно прислушивался, но мышей покупать все-таки не стал.

За три месяца пути кот вырос, из умильного неуклюжего котеночка превратился в грациозного, но стервозного подростка, избалованного женщинами-колонистами и прекрасно освоившего псевдогравитацию в одну десятую земной. Максима это радовало – на астероиде сила тяжести составляла менее одной двадцатой. Сам он из каюты, которую делил с тремя молодыми немецкими поселенцами, почти не выходил: иногда играл с ребятами в карты, а большей частью читал. Его буксер, недорогая русская модель «Чтиво», был заряжен текстами – от нудноватой классики до современной попсы. Тексты Максим закачал из сети нелегально и с некоторым удовольствием предвкушал, как, утомившись перечитывать Барнарда Шоу, Вудхауза и Честертона, зарядит в буксер кого-нибудь из современных «творцов», для покупки чьих книг не было ни желания, ни денег, ни места на полках.

Но пока он переходил от Дживса и Вустера к патеру Брауну, возвращался к пьесам Шоу – и был вполне доволен собой. Кто сказал, что три месяца в консервной банке – тяжело? Наверное, тот, кто так и не научился читать *книги*.

Его немецкие соседи тоже читали – руководства по агрономии, а изредка – Библию. Таких среди колонистов было большинство. Во влажных джунглях второй планеты звезды Барнарда, не слишком-то страшных и опасных, но для жизни некомфортных, не требовались книгочеи. Там нужны крепкие молодые люди с приличными моральными устоями (христианская вера и светлая кожа приветствуются) и не слишком загруженные этическими проблемами. Умники пойдут во втором эшелоне – так было и будет всегда.

Максим читал, лениво играл с котом – тот все-таки выделял его как хозяина, будто предчувствовал, что пожить вместе еще придется. Но в основном кот терся среди пассажиров и членов команды. Он получил два десятка имен – от Пушистика до Черной Дыры, только Максим упорно звал котенка Котом и никак иначе. Команда, поначалу поглядывавшая на Кота неприязненно, скоро начала ему безоглядно симпатизировать. По мнению психолога, котенок замечательно улучшил психологический климат на корабле – из трехсот пассажиров лишь двое или трое протестовали против гуляющей где попало «пушистой твари». Максиму даже стали намекать, что хорошо бы ему оставить кота на корабле. Максим только улыбался в ответ.

А за сутки до прибытия к Точке Равновесия посадил протестующего Кота в переноску и стал все время держать на виду. По разочарованным взглядам кое-кого из команды и кое-кого из пассажиров Максим понял, что предосторожность оказалась нелишней. Соседи-немцы осмотрительность одобрили. Максиму даже показалось, что своим поступком он значительно улучшил их мнение о русском характере.

Так что за десять минут до выхода в реальность Максим стоял в шлюзовой камере – в скафандре, с большим герметичным контейнером для вещей и вторым, поменьше, внутри которого возмущался судьбой и хозяином кот по имени Кот.

Темная каменная равнина. Ровная... но словно бы выпуклая, неуловимо вздувающаяся под ногами.

Черное небо с мириадами звезд – таких цветных и ярких, какими они бывают лишь в мультиках и детских снах.

И станция.

Она напоминала парник: решетчатая половинка цилиндра, покоящаяся на бетонной плите. Сквозь толстые стекла сияли яркие лампы дневного света, позволяя увидеть маленький уютный домик – самый настоящий деревянный домик, крытый красной черепицей. Такие встретишь в ухоженных европейских деревнях и редко-редко – в подмосковных дачных поселках. Рядом с домиком Максим заметил колодец – на самом деле это был ход в подземные помещения станции и небольшой пруд – это был и бассейн, и садок для выращивания рыбы, и основной запас воды. Все это так буйно заросло зеленью, что банальные помидоры и огурцы казались диковинными пришельцами из тропических джунглей. Низкая гравитация явно шла растениям на пользу.

Максим даже остановился на трапе, с удивлением взирая на сказочный сверкающий мирок. Он был таким уютным – островок света и тепла посреди бескрайней пустоты, что любой пассажир сейчас должен был бы взвыть от тоски. Какая тут «психотерапия»? Но когда навстречу, придерживаясь за леер, пробежал, даже не глянув на него, предшественник – все стало понятно. Вот чьи рассказы о полугодовом одиночестве через несколько часов примирят путников с оставшимися месяцами заточения.

Максим дошел до шлюза, повернулся и помахал рукой. Корабль пока еще оставался в реальности, но двое техников уже выгрузили из него, контейнер с продуктами, прицепили к стальному кнехту и теперь торопились обратно. Закрылся пассажирский шлюз, потом грузовой. Прощально вспыхнули проблесковые маячки. Качнулись в редких иллюминаторах тени.

И корабль стал исчезать.

– Вот мы и дома, Кот, – сказал Максим, хотя оборудовать переноску радиоприемником никто не озаботился. – Вот мы и дома.

На какой-то миг ему стало страшно – вдруг шлюз не откроется, вдруг что-то случится и с аварийным входом. Вдруг он останется наедине с холодной бездной, не в силах попасть в маленький теплый мирок?

Но шлюз открылся, люк загерметизировался, компрессор неторопливо наполнил маленькую каморку воздухом – и скафандр на Максиме сдулся, обмяк.

Он был дома. В игрушечном мирке на полпути между Солнцем и звездой Барнарда, созданном в ту романтическую пору, когда люди еще ждали от космоса чудес.

Первый месяц Максим откровенно наслаждался жизнью.

Пятнадцать на сорок метров – это удивительно много. Шесть соток! Что-то символическое было в этой цифре, что-то пришедшее из истории России. Что именно, Максим вспом-

нить не смог, но решил, что «шесть соток» – научно доказанная площадь, достаточная для счастья одному человеку.

И он был счастлив.

Разбирал бардак, оставшийся от сменщика, – вроде бы аккуратный человек, англичанин, а развел настоящий свинарник!

Готовил – овощи и отчасти фрукты под куполом были свои, остальное Максим брал со склада. Даже привезенный этим рейсом контейнер пока не пришлось распаковывать.

День проходил в возне с приборами – большей частью автоматическими, вынесенными за пределы купола. Некоторые отказали – Максим решил, что через месяц-другой выйдет в скафандре наружу и проверит, что можно сделать с датчиками. Пока же ему хватало купола. Когда ежедневное ТО заканчивалось, Максим читал.

А лучше всего было вечерами, когда Максим давал подтверждение на отключение света – и лампы начинали медленно гаснуть. Он выходил в сад, садился за маленький столик, вокруг которого помидорные джунгли были слегка расчищены, и ждал, пока наступит темнота.

Настоящая темнота.

Только ослепительные звезды всех цветов – медленно плывущие вокруг. Астероид вращался, и Мисс Вселенная поворачивалась к Максиму то одним бочком, то другим, демонстрируя все свои красоты.

Никаких метеоритов. Ничего движущегося – кроме танца звезд.

Максим улыбался звездам и прихлебывал из стакана самогон. Установка стояла в доме, похоже, ее сработал еще первый дежурный по станции, сработал на совесть, из стекла и титана, в изобилии имеющегося на складе запчастей.

Кот по имени Кот обычно приходил после наступления темноты. Весь день он блуждал по саду, охотился за мышами – только теперь Максим догадался, к чему был совет предшественника. Видимо, тот и завез на станцию первую живность.

Максим великодушно позволял Коту улечься на коленях, давал понюхать стакан – Кот недовольно морщился, но каждый раз нюхал снова. Это превратилось в ритуал, как и кусочек колбасы, выделяемый Максимом из своей закуски.

– Видишь Солнце? – спрашивал Максим, когда очередной оборот выносил в зенит яркую желтую звездочку.

Кот молчаливо признавал, что видит.

– Этот свет, – говорил Максим, – шел с солнца три года. Представляешь? Целых три года. А точнее – тысячу восемьдесят четыре дня... Что мы делали три года назад, Кот?

Кот начинал вылизываться, намекая, что три года назад был не в состоянии что-либо делать.

– Мы ездили в Крым, – говорил Максим, сверяясь с органайзером. – Вот ведь глупость, и чего нас в Крым понесло, почему хотя бы не в Турцию? Так... и были мы в этот день... нигде не были. Значит – валялись на пляже. И занимались любовью в номере. И пили сладкое вино.

Кот потягивался и задремывал.

– Привет, милая, – говорил Максим. То ли звезде по имени Солнце, то ли женщине по имени Ольга. – Тогда ты ведь еще верила, что мы будем вместе, точно? Всю жизнь вместе...

Кот недовольно мяукал – Максим слишком энергично взмахнул стаканом и облил его.

– Молчи, не насмешничай! – сурово одергивал Максим Кота. – Вам хорошо – март кончился, орать перестали, разошлись. И забыли друг друга...

Кот пристыженно молчал.

– Ладно, не сержусь, – прощал его Максим. – Все равно мне хорошо. Здесь никого нет. Нигде и никого!

На три световых года – ни одной живой души, разве что ангел пролетит...

Небо вращалось все быстрее и быстрее. Обычно Максим так и задремывал, ближе к утру перебираясь в кровать, утром ополаскиваясь холодной водой – и становясь на удивление бодрым. Нет, это просто праздник какой-то! Самогонный аппарат, тупые приборы, уныло разглядывающие звездное небо и замеряющие уровни излучений, ледяной вакуум за стеклами купола – плевать, что вакуум не бывает ледяным... да еще и деньги за это платят!

Спиться он почти не боялся. Да, конечно, руководство пришло бы в ужас, обнаружив, как Максим проводит свои дни. В ужас – и изумление, потому что Максим всегда считался надежным и выдержанным человеком. Но он и к этому полугодовому запою подошел основательно: не позволял себе напиться, прежде чем все работы по станции будут завершены, тщательно просчитал, какую часть продуктов может пустить на брагу, проверил и отладил самогонный аппарат, о существовании которого был наслышан еще на Земле.

– Знаешь, чего я хочу, Кот? – спрашивал он Кота. И тот любопытным взглядом отвечал: «Говори, не томи!» – Я хочу поймать волну. Давным-давно ушедшую волну своей любви.

– Мяу, – сомневался Кот.

– Это как в сказке, – поглаживая черную шерстку, отвечал Максим. – Про Снежную Королеву, про мальчика Кая, которому осколки ледяного зеркала попали в глаз и в сердце... Любовь – самое отвратительное зеркало! В сердце у меня осколок сидит до сих пор. А из глаза – выпал. Как лучик света. Отразился – и ушел в небо. Так может быть, я снова его увижу, Кот? Этот лучик? И он снова ударит мне в глаза!

– Зачем? – интересовался Кот.

– Когда у человека любовь в сердце, – ничуть не удивившись, объяснял Максим, – это только страдание. Страдание и не больше. А вот когда еще и в глазах любовь...

Кот тихо смеялся и отвечал:

– Глупый Максим. Ты веришь, что если в твоих глазах вновь появится этот свет – она вернется?

– Не смей называть хозяина глупым! – строго отвечал Максим. – Ты сам – безмозглое животное... ты даже не умеешь говорить, это лишь моя галлюцинация, бред!

– Кто знает? – лукаво отвечал Кот, выгибая спинку. – Так вот, мой умный хозяин! Мы, коты, давно знаем эту тайну – свет, ушедший из глаз, не возвращается. Ты можешь быть сильным и умным, ты даже можешь научиться летать быстрее света. Ты можешь обмануть всех в целом мире, даже свою умную маму, а ведь мамы видят сыновей насквозь! Но тебе не поймать этот свет.

– Посмотрим, – отвечал Максим, чтобы не спорить с глупым животным.

Кот снова усмехался и принимался чистить усы.

– Люди... ах эти глупые люди, – бормотал он. – Если уж ты позволил злым осколкам попасть в твоё сердце и глаза – страдай и терпи. Вышел осколок из глаз, рано или поздно выйдет и тот, что в сердце! Тебе сразу станет легко, и ты пойдешь искать новую боль. Мы, коты, давно знаем эту тайну – не позволяй себе влюбляться. Есть только март, и еще апрель, и еще май... есть разные месяцы, и разные кошечки, и очень-очень много радости и счастья! Но никакой любви нет!

– Неправда, – прошептал Максим, засыпая. – Я слышал эти речи много раз... я помню, кто так говорил... Но любовь все равно есть.

– Нет, – упрямо повторил Кот. – Пока ты не поверишь в нее – любви нет!

* * *

На следующее утро Максим долго искал Кота. Но тот мышковал в зарослях фасоли, лишь иногда мелькала среди зеленых стеблей черная шкурка и отблескивали насторожен-

ные глаза. В конце концов Максим выманил Кота блюдцем молока. Молоко Кот выпил с удовольствием, но говорить не стал, завалился на спину и позволил чесать себе брюшко.

– Ты всего лишь животное, – сказал ему Максим. – А я – алкоголик. У меня белая горячка. Психоз. Это все пустота вокруг, верно? Пустота и одиночество...

Чтобы доказать и себе, и Коту, и бездонному черному небу, что он в полном порядке, Максим надел скафандр и вышел из купола. Тонкий фал тянулся за ним, медленно разматываясь с катушки на поясе. Максим обошел-опрыгал все неисправные приборы, один даже сумел починить – там всего лишь неплотно сидел в гнезде кабель. Еще два датчика забрал в купол для доскональной проверки, но сразу возиться с ними не стал, решил почитать. Для разнообразия – кого-нибудь современного. Включил буксер и открыл популярный роман «Майор Богдамир – дистрибьютор добра», с любопытством глянул на первую страницу с «рекомендациями». Многим эта новая манера сопровождать каждую книгу своеобразным цензурным предписанием не нравилась. Максим же находил ее занятой. В конце концов, законопослушные порнографические сайты тоже предупреждают случайных посетителей о своем содержимом.

«Дистрибьютора добра» одобряла администрация президента, РПЦ, духовное управление мусульман и главный раввин России. Ничего против не имели и прочие организации, на чье мнение могли ориентироваться читатели. Разве что Минздрав традиционно не одобрил книгу, но Минздрав не одобрял ни одного произведения, где герои безнаказанно курят, пьют или ведут распущенный образ жизни. Минздрав даже «Карлсона» не рекомендовал – травматологам не нравились прогулки по крышам, диетологам – увлечение героя сладким.

Так что чтение Максима ожидало спокойное, никого не оскорбляющее и ни к чему плохому не призывающее. Он погрузился в чтение.

Надо сказать, что автор лихо закрутил сюжет. Уже на пятой странице Максиму стало по-настоящему интересно. А тут еще Богдамир стал спорить с каким-то техником из Комитета Солнечной Безопасности об электронных книгах, о том, порядочно ли скачивать тексты с пиратских сайтов. Техник высказал любопытную мысль, что, хорошо зная архитектуру процессора (а все буксеры достаточно однотипны), можно в сам текст книги ввести ловушку – такое сочетание букв, цифр и знаков препинания, которое будет восприниматься как команда и уничтожать процессор. Всем ведь известно, что любая электронная техника может быть разрушена программным образом. Так что электронная книга станет сама себя проверять на законность и в случае необходимости наказывать воров...

Максим усмехнулся и нажал кнопку «перевернуть страницу».

Но страница не перевернулась. Зато экран погас.

Через несколько минут, вытряся из буксера батарейки и запустив его снова, Максим убедился, что автор вовсе не шутил. Буксер сгорел!

– Вот сволочи! – только и выдал Максим. – Где я новый возьму?

Память в буксере тоже оказалась стертой. Правда, на компьютерах станции нашлось немало текстов – и на русском, и на английском. Но после удобного легкого буксера читать с ноутбука не хотелось.

Максим загрузил, нацедил себе самогона, приказал компьютеру включить ночь на два часа раньше – и пошел в сад.

Кот явился после второго стакана.

– Будешь говорить? – добродушно спросил его Максим.

– Буду, – усаживаясь на стол, ответил Кот. Глаза его блестели в слабом звездном свете.

– Я ничуть не страдаю, – сказал Максим, подумав. – Точнее – страдаю, но мне этого и хотелось. Конечно же, я не верну себе старую любовь. Но я исцелюсь и вернусь на Землю. Встречу ту, которая мне предназначена судьбой. И полюблю снова.

– Не глупи, – сказал Кот. – Только люди придумали такую глупость, как любовь.

Он изогнулся, лизнул брюхо и тихо добавил:

– Любовь... ха-ха-ха... Знаешь, почему мы, коты, обычно не разговариваем с вами?

– Почему? – заинтересовался Максим.

– Вам тоже нужна любовь, – фыркнул Кот. – Все эти сюсюканья: «кисонька», «котик», «пушистик». Вам хочется, чтобы мы лизали вам руки, будто собаки! Чтобы согревали своим теплом...

– Кто приходил спать в мою кровать? – спросил Максим.

– Я сам грелся! – возмутился Кот. – Мы, коты, знаем, что любовь – это ужасная ловушка. И не важно, кого любить, милую киску или человека! Все равно любовь – рабство и страдание. А мы свободны и счастливы!

– Но ведь любовь – это еще и счастье, – сказал Максим. – Даже если она умирает! Человек, будто птица феникс, сгорает и перерождается в пламени любви. Каждая любовь – это целая жизнь, которую можно прожить!

– Чего стоит жизнь, начатая на пепелище и закончившаяся пожаром? – вопрошал Кот и подставлял брюхо. – Почеши мне живот.

Максим, глядя в кружащие звезды, почесывал мохнатое пузо.

– Вот видишь, – мстительно заметил Кот. – Ты меня любишь. И потому ты мой раб.

– Нет, – ответил Максим. – Я тебя люблю и потому – свободен. Пошел вон!

Кот медленно полетел на землю, лениво извернулся в полете, мягко опустил на лапы. Одобрительно произнес:

– Вот-вот! Ты на правильном пути, Максим!

Максим пил и смотрел на звездный танец.

Вначале он ждал обратный рейс корабля. Считал дни. Посмеиваясь, придумывал, как именно станет веселить пассажиров – дикими воплями и плясками у корабля, криками о скуке и одиночестве.

Потом вспомнил, что на обратном рейсе будет не так уж и много пассажиров – несколько правительственных эмиссаров, несколько командированных, несколько самых слабонервных колонистов, наотрез отказавшихся жить на чужой планете. И еще – его сменщик, кто-то из немногочисленных ученых колонии.

Потом Максим просто забыл о возвращающемся корабле.

Через четыре месяца ему надоело все. Максим выключил самогонный аппарат – хотел даже его разобрать и вернуть детали на склад, но пожалел сменщика. Звезды над астероидом стали такими же скучными, как книги на экране.

Кот, ведущий жестокую войну с мышами, проигрывал – мыши брали числом. Кот растолстел, стал совсем ленивым и совершенно невыносимым в общении: начинал говорить, только когда Максим напивался до полусмерти. И твердо стоял на своем: любовь – это ловушка для слабоумных.

Максим обиделся и перестал разговаривать с Котом. Потом перестал и пить – неделю читал вперемежку Достоевского, Ницше, Бёлля и Ремарка, после чего стер с компьютера все тексты на русском. И проспал почти сутки.

– Человек не должен быть одинок, – сказал Максим своему отражению в зеркале, решив побриться. Последний раз он скоблил щетину две недели назад, и у него уже отросла изрядная борода. – Человек – он стадный.

Отражение не спорило.

Поборов небритость и приняв холодный душ, Максим честно попытался работать. Проглядел записи детекторов за последний месяц – компьютеры автоматически отфильтровывали все более-менее необычное.

Ничего выдающегося Максим не открыл. Звезды светили, пульсары пульсировали, квазары излучали. Человек болтался на куске камня меж двух звезд и не знал, чем ему заняться.

Максим отправился в шлюзовую. Проверил скафандр, пристегнул фал и вышел из купола. Оглянулся – сквозь толстую стеклянную плиту на него смотрела наглая кошачья морда.

– Прощай, котик, – сказал Максим, отстегивая катушку с фалом. В наушниках запищал тревожный сигнал, он его отключил.

Адгезивные подошвы неплохо держали на камне. Максим шел по прямой – мимо посадочной площадки, у которой через месяц возникнет корабль, мимо черных квадратов рентгеновских датчиков, уложенных на грунт. Странно, ведь маятниковый корабль на самом деле и сейчас находится здесь... пусть даже с исчезающе малой вероятностью. Дисциплинированно читают книги по агрономии молодые немцы, трудятся шоумен и психолог, возникают короткие путевые романы и бурные ссоры, экипаж контролирует работу систем жизнеобеспечения – потому что больше на корабле контролировать нечего. Романтики межзвездных полетов не получилось. Нет и в помине могучих звездолетов, чьи ревущие двигатели подрывают основы мироздания и законы физики. Нет нуль-транспортировки, чтобы мгновенно преодолеть путь от звезды к звезде. Только теснота, давка, запах потных тел и грязной одежды. Космические каравеллы ползут к новому звездному берегу, поселенцы и экипаж сходят с ума от скуки...

Максим специально свернул и прошел через центр площадки, где должен будет материализоваться корабль. Помахал руками, поулюлюкал.

И двинулся дальше, пока свет купола не исчез за близким горизонтом.

Там он медленно, не делая резких движений, лег на камни и стал смотреть в небо.

Все в мире оказалось пустым и ненастоящим.

Нет ни любви, ни приключений, ни чуда.

Максим подождал, пока яркая звездочка Солнца взошла над ним, и сказал:

– Здравствуй.

Солнце не ответило. Даже у белой горячки есть свои законы – звезды не умеют говорить.

Под этим самым светом, что коснулся сейчас его глаз, Максим поссорился с Ольгой. Раз и навсегда. Любви не существует, Кот прав. Есть только ловушка для глупцов.

Стоило ли вообще рваться на Точку Равновесия? Ведь есть, наверняка есть нормальные астрофизики, которые дневали и ночевали бы у приборов, не пили самогон и не разговаривали с животными? Впрочем, таких не берут в космонавты. Науки нынче тоже нет. Вместо ученого – шут.

– Мне незачем к тебе возвращаться, – сказал Максим уходящему за горизонт Солнцу.

Солнце выплывало в зенит еще три раза. И каждый раз становилось все более и более обычной звездой.

Предупреждающе пискнул компьютер скафандра – кончилась половина запаса кислорода. Вскоре сигнал будет верещать не переставая. Плевать. Ходить за него скафандр не сумеет. Такие скафандры есть только в дурной фантастике – вместе с могучими звездолетами, хитрыми Чужими и настоящей любовью.

Почему-то не было страшно.

А потом включилось радио.

Максим даже вздрогнул от шороха. Там, на станции, кто-то нажал кнопку на пульте. Максим догадывался, что кнопку нажала пушистая черная лапка – глупое животное постоянно норовило забраться спать на теплые приборы.

– Ну, зараза, скажи мне что-нибудь, – попросил Максим.

В наушниках шелестело. Аппаратура прилежно усиливала слабые кошачьи шаги. Потом Кот лег и заурчал.

– Говори же! – крикнул Максим. – Почему ты молчишь?

Кот мурлыкал – тихо, уютно. Наверняка он слышал его голос. Но он никогда не умел говорить, потому что был всего лишь котом – любившим поспать на хозяйских коленях, плакать молоко или поохотиться за мышами.

– Ну скажи что-нибудь, – сказал Максим. – Скажи, и я вернусь. Еще успею, наверное... Скажи! Тебе же плохо будет, дурак, одному!

Кот мурлыкал. Он лежал на теплой приборной доске, слышал голос хозяина – недовольный голос. Хозяин сердится, что он лежит на приборах, – понимал Кот своим маленьким кошачьим умом. Но хозяин был где-то далеко, и прятаться не требовалось...

– Ты еще не понимаешь... – прошептал Максим. Маленькая звезда – Солнце – снова вошла над его головой. – Любовь – она как воздух... ее не замечаешь, пока она есть. Вот если я не вернусь... а я ведь не вернусь.

– Хватит, – раздраженно ответил Кот. – Любовь и шантаж несовместимы!

– Еще как совместимы, – откликнулся Максим. – Ну, уговори меня!

– Возвращайся, – попросил Кот. – Никакой любви не существует, но... Два месяца, а вокруг – только мыши! Это ужасно! И я не смогу налить себе молока!

– Ответ неправильный, – сказал Максим. – Любовь – это не только эгоизм.

– Прошу тебя, – нервно сказал Кот. – У тебя еще есть шанс добежать. Я... я очень хочу, чтобы ты вернулся. Нет, я вовсе не люблю тебя, но мне нравится спать с тобой под одеялом.

Максим засмеялся.

– Ты повторил слова одной женщины, Кот, – сказал он. – Но ответ неверный. Любовь – это не только удовольствие.

– Здесь только камни и звезды, – сказал Кот. – Мыши не в счет. Здесь одиноко... даже для кота. Вернись!

– Ты почти прав, но не совсем, – ответил Максим. – Любовь – это не только страх. Ну? Заверещал сигнал – кислорода осталось ровно на обратный путь.

– Я не знаю, что сказать, – признался Кот. – Я не знаю, что такое любовь. Я всего лишь кот. Ты бы еще мышей попросил с собой поспорить! Или конопляный куст, что растет в углу купола, на философский диспут вызвал! Я кот, кот, понимаешь? Животное, не умеющее говорить! Ты придумываешь себе собеседника и пьешь самогон. Ты даже решил героически задохнуться. А тебя на Земле ждет мама! И миллиард женщин – кроме той дурехи, что считала любовь ловушкой для простаков, эгоизмом, сексом и страхом одиночества! А та дуреха была всего лишь слишком молодой, чтобы полюбить! Ты пробовал снова с ней встретиться, Максим? Или думаешь, что все и всегда должны идти тебе навстречу? Я-то пойду, я лишь твоя фантазия. А она ждет, чтобы ты пришел первый. Пусть через год, два, три года – но пришел!

Максим посмотрел на всходящее снова Солнце. Далекий луч уколол его в зрачок – быть может, это был тот самый фотон, что когда-то отразился от его глаз и ушел в небо.

– Поздно, тебе уже не успеть... – вздохнул Кот.

– В баллоны всегда закачивают больше воздуха, чем положено по инструкции, – сказал Максим. – Это защита от дурака. Я успею. Я-то знаю, что такое любовь.

Обратно со второй Барнарда летело немного пассажиров. Молодой человек, отсидевший полугодовую вахту на Точке Равновесия, их приятно удивил. Хвастался проделанной научной работой и написанной за последние два месяца диссертацией, очень смешно рассказывал, как от одиночества разговаривал и даже ругался со своим котом, как гнал самогон в построенном предшественниками аппарате, а под конец даже нашел кем-то заботливо выращенный куст конопли, но выполол его с корнем. Похоже было, что время он провел с большим удовольствием – что даже удивительно для такого весельчака и жизнелюба.

– Купи кошку, – сказал Максим.

Он был в отпуске и о делах старался не говорить. Но приехавший к нему голландский астрофизик через месяц улетал на Точку Равновесия.

– Почему кошку? Почему не кота? – Голландец на миг задержал ручку над органайзером. Он был очень серьезен и деловит – почти как немецкие агрономы.

– Обещал... – туманно объяснил Максим.

Голландец записал. Он знал, что надо доверять советам бывалых людей.

Кровавая оргия в марсианском аду

Есть такой старый писательский анекдот...

Начинающий автор приходит к издателю, приносит свой роман. Издатель листает и говорит: «Ничего, ничего... Но название скучное. Придумайте название, чтобы там присутствовали смертоубийство, секс, космос, мистика!»

«Хорошо», – отвечает автор, берет рукопись и пишет название: «Кровавая оргия в марсианском аду».

Едва я услышал этот анекдот, как решил, что рано или поздно напишу рассказ с таким названием. А тут как раз мне позвонили из журнала «Другой» (это был замечательный «глянцевый» журнал со своим лицом и характером, где помимо статей о дорогих машинах или старых винах печатали еще и фантастику) и попросили рассказ в номер, посвященный... трэшу.

Трэш – это в буквальном переводе мусор. Трэш – это нарочитая примитивность, искусственный непрофессионализм (который на деле требует мастерства), сознательное использование самых низкопробных и банальных приемов. Макулатурная книжка, которую автор настрогал за месяц, – это не трэш, это обычная халтура. Настоящий трэш, что в музыке, что в кино, что в литературе, делается профессионалами, издевающимися над востребованными (что уж греха таить) штампами.

Так что рассказ о приключениях храброго сержанта запаса Ивана Перелетного я делал с огромным удовольствием. Закончив, подумал, что стоит «расписать объем» в пятнадцать раз – и получится книжка, каких у нас выходит немало.

Но книжка вышла бы ужасная. А рассказ – хороший. Честное слово.:-)

* * *

Поздним вечером, когда маленькое холодное Солнце клонилось за край горизонта, над бурой марсианской равниной пронеслось сверкающее металлическое яйцо. Человек сведущий опознал бы в нем малую посадочную капсулу, сброшенную с пролетающего мимо межпланетного корабля. Человек знающий сказал бы, что это военная модификация, к тому же изрядно потрепанная и побывавшая не в одном бою.

Все более и более снижаясь, подымая вихри нежно-розовой пыли, капсула неслась вслед за убегающим Солнцем – пока впереди не возникли пирамиды Сидонии. Окутанная пламенем тормозных двигателей капсула стремительно пошла на посадку. Коснулись выщербленных известковых плит решетчатые опоры, внушительно ухнули, гася инерцию, гидравлические амортизаторы. Слегка раскачиваясь, капсула замерла на холодном марсианском ветру.

Несколько минут все было тихо. Затем раздался скрип отвинчиваемого люка. Тяжелая бронированная крышка откинулась, и на металлическом порошке появилась любопытная усатая мордочка. Крупная белая крыса с любопытством принялась, недовольно поморщилась, чихнула и села умываться.

– Как думаешь, Мстислав, воздух пригоден для дыхания? – раздался веселый молодой голос. Рядом с крысой появилось два крепких ботинка с заправленными в них металлизированными обмотками военной униформы. Ноги оканчивались крепким туловищем с двумя руками, туловище же в свою очередь служило основанием для коротко стриженной головы. Голова, как и положено, сверху оканчивалась русыми волосами, а спереди – лицом: простым, грубоватым, бесхитростным, с умными живыми глазами, крупными ушами и кур-

носом. Глаза были карие, прическа – ежик, а лицо тщательно, пускай и небрежно, выбрито.

Крыса, разумеется, не ответила веселому молодому человеку – она была простой крысой и не умела говорить.

Подхватив крысу под брюшко, молодой человек посадил ее на широкое плечо и, не озабочиваясь спуском лестницы, спрыгнул с трехметровой высоты. Поступок его показался бы опрометчивым только человеку, никогда не бывавшему на Марсе и не знающему о его низкой гравитации.

– Какая отвратительная атмосфера, Мстислав! – воскликнул человек, оказавшись на поверхности. – И ведь это первая терраформированная планета! Ну ничего, и не в таких передрыгах бывали, верно?

Похлопав по тяжелой кобуре, человек порылся в карманах широких крепких штанов. Достал пачку «Явы», закурил с тем удовольствием, что выдавало в нем человека законопослушного, никогда не курящего в космических кораблях. Огонек разгорелся неохотно – кислорода было все-таки мало.

Крыс недовольно чихнул.

– Знаю, знаю, – пробормотал человек. – Курить – вредно. Ну, раз никто нас не встречает, пойдем сами. Мы не гордые, верно, Мстислав?

Зорко прищурившись, мужчина двинулся к огромному, не меньше пяти километров в диаметре куполу, располагавшемуся в паре километров от посадочной площадки. Голубоватый пластик купола выдавал в нем одно из первых человеческих поселений, едва ли не двухсотлетней давности. На самом деле бывший марсианский город Сидония и впрямь был первым человеческим поселением внеземелья – конечно, если не брать в расчет Лунный Пекин и околоземные орбитальные городишки.

Шел человек бодро, временами переходя на прыжковый бег – пусть и не такой впечатляющий, как на Луне, но все-таки весьма быстрый. Уже через десять минут он остановился у шлюзовой камеры купола. Видимо, обитателям купола тоже не слишком-то нравилась марсианская атмосфера.

Загасив окурок и тщательно втоптав его в красноватый песок, молодой человек запустил механизмы шлюза. Через минуту, с гораздо более довольным выражением лица, он вошел под купол. Положив руки на пояс, он с видом полновластного хозяина огляделся.

Шлюз располагался на небольшом холме. Пространство под куполом представляло собой зеленую холмистую равнину, поросшую клевером, одуванчиками, можжевельником и коноплей.

– Красиво! – сказал молодой человек. – Ха!

Кое-где холмы поросли деревьями – в основном культурных пород. Как ни странно, но под куполом почти не оказалось жилых коттеджей. Вместо них в ландшафт были аккуратно вписаны многоэтажные каменные строения, между которыми вились дорожки, выложенные желтым кирпичом. Строения не светились и казались заброшенными. Единственный обитаемый дом стоял поблизости от шлюза – трехэтажное деревянное здание, чьи окна светились теплым электрическим светом.

К нему и направился молодой человек.

Дверь оказалась открыта, что вызвало у молодого человека живейшее оживание и привело его в веселое расположение духа. По скрипучей лестнице он уверенно двинулся на второй этаж, откуда доносились человеческие голоса, нарочито громко топая ногами.

Похоже, звуки его приближения не вызвали никакого любопытства. Во всяком случае, разговоры стихли только тогда, когда молодой человек вошел в большой, ярко освещенный зал. За круглым обеденным столом сидели с десятков человек – и появление незнакомца

вызвало у них самую бурную реакцию. Кое-кто вскочил, кое-кто вскрикнул, а один даже полез в карман, вынудив молодого человека строго погрозить ему пальцем.

– Но-но! – воскликнул молодой человек. – Не надо волнения, граждане! Я уполномоченный представитель Новой Демократии, сержант запаса Иван Перелетный.

Интеллигентного вида мужчина все-таки запустил руку в карман, под бдительным взглядом молодого человека достал футляр, открыл, извлек из футляра очки и водрузил их на нос.

– Ну что за поведение! – воскликнул Иван Перелетный, убирая руку с кобуры. – Ваше счастье, гражданин, что я хоть на фронтах и контуженный, но от природы выдержанный. А если бы кто нервный к вам приехал? Получили бы вы, товарищ интеллигент, плазменное ранение, совершенно несовместимое с процессами жизнедеятельности. Прямо как дети малые... чуть что – сразу руки в карманы прячете.

Укоризненные слова сержанта Перелетного никакого действия не возымели. Гордо посверкивая очками, интеллигент вышел вперед и сказал:

– Хочу вам заметить, господин уполномоченный, что город-музей Сидония является независимой республикой. И мы здесь... не привыкли к вашим военным порядкам. Я – мэр Сидонии Александр Сохатый.

– Профессор Сохатый? – воскликнул Иван. – Вот те здрасте, никогда не думал, что доведется... Здравствуйте, профессор! – В несколько шагов он оказался рядом с профессором, энергично пожал ему руку и с искренним уважением сказал: – Читал, много вас читал! «Архитектурные памятники внеземелья», издание второе, исправленное, «Артефакты Чужих» в трех томах, «Основы современного музейного дела»... Замечательно пишете, гражданин профессор!

Александр, явно растерявшись, всматривался в лицо Ивана. Неуверенно спросил:

– Вы... обучались на музейно-архивном факультете? На Земле? На Веge-17?

Молодой человек рассмеялся:

– Что вы, гражданин профессор! Мы университетов не кончали. В прошлом году, при битве у Арктура, разбили в неравном бою наш торпедоносец «Неуверенный», один я в живых и остался из экипажа. Четыре месяца дрейфовал, пока обломки мусорщики не подобрали. Одну каюту мне удалось герметизировать, в ней и сидел, ждал спасения. Кислорода запас – на триста с лишком лет, еды – от пуза, воды – хоть утопии! А читать нечего, имперец нам вначале всю электронику лучом пожег, а уж потом ракетой ударил. Все, что нашел, – ваши книжки у солдата одного в багаже. Он с Беги был, да... наверное, студент. Не выжил, жалко. Я вначале-то на стенку лез, ничего в книжках понять не мог. Потом освоился. А все-таки попроще было бы, останься нас двое!

– Э... сочувствую... – смущенно сказал профессор. – Война – это ужасно... мы все здесь – убежденные противники войны, пацифисты.

– Пацифисты, знаю, – махнул рукой Иван. – Ну ничего, мы в армии ко всему привыкли. И пацифистов у нас, почитай, половина экипажа было – служили как миленькие, некоторые даже подвиги совершали! Кстати, вы бы хоть мандат мой проверили как положено...

Запустив руку за пазуху, он извлек лист пластика и протянул профессору.

– Податель сего, сержант запаса Иван Перелетный, – вслух прочитал профессор, – назначается Реввоенсоветом Новой Демократии особым комендантом независимой республики, города-музея Сидония, планета Марс, Солнечная система. Просим всех граждан Новой Демократии и сочувствующих оказывать сержанту запаса Ивану Перелетному всяческое содействие и выполнять любые его приказания...

– Я сам к вам попросился, – с улыбкой сказал Иван. – Иначе ведь как? Послали бы к вам солдафона какого, без понятия о важности музейно-архивного дела. И вам тяжело, и человеку волнение лишнее. А я все равно к военно-строевой службе нынче непригоден по

причине тяжелой контузии, но без дела на Земле отсиживаться тоже не желаю... Вы подпишьте, подпишьте-то прочитайте!

– Председатель Реввоенсовета гражданин Озеров, – растерянно прочитал профессор. – В скобках – Мунин...

– Вот так! – радостно подтвердил Иван. – Видите теперь, какое уважение к музейному делу у Новой Демократии? Сам гражданин Мунин мандат подписал! И беседу личную я с ним имел. – Иван выдержал короткую паузу, лицо его посуровело. – Впрочем, об этом – позже. Сами понимаете, время сейчас трудное. Тираническая Империя Волокяна разбита, но не все еще спокойно в галактике. Среди несознательных рас Приграничья поднимают голову сепе... сепе... сепаратисты. Отдельные аристократические недобитки мутят воду и обманывают народ. Мятежи, восстания, голод, эпидемии – все это свалилось на молодую демократическую власть! Чужие точат зубы на наши бескрайние территории, наши яркие звезды и теплые влажные планеты. И при всем при том – гражданин Мунин высоко ценит ваш труд и обещает всяческое содействие от лица новой власти!

– Мы – независимая республика... – пробормотал профессор.

– Правильно! – согласился Иван. – Так ведь и в мандате сказано: «Назначается комендантом независимой республики»! – Он еще раз широко улыбнулся, сглаживая неловкость профессора, и продолжил: – А теперь, товарищи работники музея, давайте знакомится! Вот это, на моем плече – Мстислав. Мой ручной крыс. Мы с ним вдвоем на «Неуверенном» дрейфовали, он, можно так сказать, тоже у нас служил – в медотсеке, по лабораторной части. Я его своей волей как командир корабля в отставку отправил.

Нет, совершенно невозможно было устоять перед его простой, широкой, заразительной улыбкой! Заулыбались и музейные работники. А Иван пошел вокруг стола, протягивая каждому широченную ладонь и знакомясь.

– Анна Тихо, врач и биолог, – представилась высокая хрупкая девушка, чье сложение выдавало в ней коренную селенитку.

– Иван Перелетный, комендант, – с живейшим интересом разглядывая юную девушку, произнес Иван. – Очень приятно, честное слово.

– Петер Мязтэ, старший хранитель. – Лысенький старичок низко поклонился.

– Иван Перелетный, комендант. Вы эти штучки оставьте, оставьте, у нас теперь Демократия, – добродушно ответил молодой человек.

– Андрей Тягомотин, подсобный рабочий. – Высоченный, широкоплечий, будто из камня высеченный мужчина привстал и протянул Ивану огромную мозолистую руку.

– Иван Перелетный, комендант. Где служил, братишка? – От зоркого взгляда коменданта не укрылась цветная флотская наколка на руке Тягомотина.

– Вторая отдельная пограничная бригада, – басовито ответил Андрей. – Семь лет назад попал под отупляющий луч Чужих, комиссован. Восстанавливаюсь помаленьку...

– Андрей делает большие успехи, – подтвердил Петер Мязтэ. – Три года назад снова научился читать. Он очень, очень старательный.

Андрей потупился и сел, спрятав руки под стол.

– Мебиус. – Нескладный юноша с серым цветом кожи и жиденькими белесыми волосами с опаской протянул руку коменданту. – Системный администратор.

– Иван Перелетный, комендант. Гляжу, ты из космиков-орбитальников? – Иван осторожно похлопал его по плечу. – Это ничего, вы ребята боевые, даром что хрупкие. Уж я-то всякого рассмотрелся, поверь!

– Шланагаси-5213. – С тихим гулом сервомоторов из следующего кресла выдвинулся человек, более чем наполовину состоящий из механических деталей. Голова и верхняя часть туловища выдавали в нем землянина, уроженца Юго-Восточной Азии. Все остальное было

большей частью арктурианского производства. – Старший смотритель залов от первого до двенадцатого.

– Иван Перелетный, комендант. – Молодой человек с любопытством оглядел киборга. Уточнил: – Осознанно или по необходимости?

– Осознанно, с целью большей работоспособности, – с достоинством ответил киборг.

– Уважаю, – кивнул Иван, переходя к следующему сотруднику.

– Джон Смит, герцог Техасский. – Холеный мужчина с длинным породистым лицом и слегка гипертрофированной нижней челюстью поднялся, но руки Ивану не протянул. – Старший смотритель залов тринадцать, четырнадцать и пятнадцать.

– Иван Перелетный, комендант. – Молодой человек задумчиво смотрел на аристократа. – Герцог, значит?

– Джон Смит – наш опытный и незаменимый работник! – поспешил вступить в разговор профессор Сохатый. – Да, он по рождению аристократ... но, поверьте, мы все здесь далеки от политики! Джон Смит еще в юности увлекся музейным делом, отказался наследовать Техас и переехал к нам, в Сидонию!

– Что ж он всего три зала смотрит, раз такой опытный и незаменимый? – буркнул Иван. На лице профессора отразился испуг.

– Гражданин комендант, но вы бы знали, что это за залы!

– Разберемся, – решил Иван и проследовал дальше. Рукопожатиями с герцогом он так и не обменялся.

– Франсуаза Сохатая. – Еще не старая и очень красивая женщина с улыбкой протянула Ивану руку. – Жена Александра. По совместительству – кормлю, обшиваю и приглаживаю за этими фанатиками.

– Иван Перелетный, комендант. – Поколебавшись, Иван все-таки неумело чмокнул Франсуазу в ладонь и сказал: – Завхоз, в общем? Дело хорошее. Только вы эти штучки мелкобуржуазные бросьте, поцелуй – источник атипичной дизентерии...

– Мария-Пьер Сохатая. – Молодая девушка, очень похожая на Франсуазу, протянула руку Ивану. – Младший смотритель музея.

– Иван Перелетный, комендант. – Иван подозрительно уставился на девушку. – Извиненья просим... а вы никак гермафродит?

– Нет, я девушка, – чуть-чуть смутившись, ответила Мария-Пьер. – Дело в том, что нас родилось двое. Я и Пьер-Мария – мой брат-близнец. Чтобы мы больше любили друг друга, нам дали двойные имена.

– Умно, – кивнул Иван. – А где же Пьер-Мария?

– Служит, – коротко ответила девушка.

– А за кого он служит, за Демократию или за Империю? – насторожился Иван.

– Он в пограничной страже, – пояснила девушка. – Они с Чужими воюют, они в политику не вмешиваются.

Понимающе кивнув, Иван подошел к следующему и последнему гражданину Сидонии.

– Антуан-Мария-Пьер Сохатый, – смущенно протянул ему ладошку мальчик лет восьми. – Я нигде не работаю, я учусь.

– Иван Перелетный, комендант, – поздоровался с ребенком Иван. – Учиться – это хорошо, это правильно. Только хорошо учись, нам в Демократии дураки и лодыри не нужны!

Потрепав смущенного мальчика по голове, Иван поднял руку и бодро принялся считать:

– Профессор с семейкой – это раз, два, три, четыре. Пьера-Марию считать не станем, ибо отсутствует. Археолог и старший хранитель – еще двое. Будет шесть. Тягомотин, братан,

это семь. Гражданин компьютерщик – восемь. Киборг и аристократ – девять и десять. Так. Чего-то не сходится, граждане! По документам – одиннадцать человек!

– Одиннадцать граждан, извините, – робко поправил его старший хранитель. – Еще уважаемый Керш, лингвист...

– И где же этот Керш? – скептически спросил Иван.

– За вашей спиной, уважаемый, – сказал кто-то тихо и властно.

Опустив руку на кобуру, Иван Перелетный обернулся. За его спиной, в открытой двери, стояло покрытое хитином существо – ростом под потолок, с двумя руками, с двумя ногами и двумя головами. На каждой голове имелось по два глаза, два уха и одному клюву.

– Подкрадываемся? – нехорошо улыбнулся Иван. – Значит, гражданин Чужой, лингвистом работаем? А что ваша Билиатская Империя с Демократией воюет – знаем?

– Знаем, – прогудела левая голова, посверкивая фасеточными глазами. – Но семь лет назад мы приняли гражданство Сидонии. Сидония ни с кем не воюет. Сидония – город-музей, единственный в галактике.

– Положеньице, – задумчиво сказал Иван. – Значит, ты мирный билиат?

– Мирный, – согласился лингвист.

– А правая голова чего молчит?

– Она думает. – Левая голова повернулась к правой и тихонько дунула той в ухо. Правая поморщилась и сказала:

– Мы – мирный билиат. Не надо ждать от нас беды.

Иван вздохнул и протянул Чужому руку.

– Керш, – с достоинством протянул Чужой обоими ртами сразу. – Лингвист, специалист по языкам живым и мертвым.

– Иван Перелетный, комендант, – с сомнением глядя на Чужого, представился Иван. – Что ж, граждане хорошие, познакомились – вот и хорошо. А не покормите ли вы боевого сержанта и его верного хвостатого друга? С делами мы до утра обождем, верно?

* * *

Ранним марсианским утром, едва лишь взошло далекое солнышко, Иван Перелетный проснулся, за десять секунд заправил койку, за две минуты – оправился и почистил зубы, после чего отряхнул щеточкой примявшуюся за ночь форму, посадил на плечо сонного Мстислава и вышел из отведенной ему комнаты.

В коридоре на стульчике дремал старший хранитель Петер Мязэтэ. При появлении коменданта он вскочил, рассыпая бумаги из толстой папки.

– Оставьте ваши аристократические замашки, гражданин Мязэтэ! – укорил его Иван. – Ну что же вы вскакивать надумали, будто у нас не Демократия! Собирайте свои листочки и двинемся территорию обходить...

Осмотр территории по предложению старшего хранителя начали с зала номер один. Иван одобрил такой четкий подход и бодро двинулся от строения к строению, старший хранитель семенил следом.

– В первом зале у нас – история космических полетов Земли в двадцатом веке, ранний период освоения космоса, так называемая советско-американская эпоха, – тараторил Мязэтэ. – Начиная от копии первого спутника...

– Почему копия? – удивился Иван. – Не могли найти оригинал?

– Он сгорел... – потупился старший хранитель.

– Непорядок. – Иван покачал головой. – Когда сгорел?

– Вскоре после запуска, в двадцатом веке... У нас хорошая копия!

– Сгорел... – Иван сделал себе пометку в стареньком органайзере. – Я проверю, когда он там сгорел... У нас, на «Неуверенном», тоже как-то каптенармус написал, что десять бутылей красного вина сгорели... Так, что там еще?

– Космические корабли: «Восток», «Восход», «Джемини», «Меркурий», «Союз», «Аполлон»...

Иван иронически уточнил:

– Тоже копии?

– Большой частью... – признался старший хранитель. – Тогда плохо строили... да вы посмотрите сами!

Почти полчаса Иван бродил по первому залу, оглядывая макеты, улыбаясь, заглядывая внутрь космических кораблей, качал головой. Потом спросил:

– А что тут настоящее?

– Вот эти зонды, они совершенно антикварные! – засуетился старичок. – Вот лунные зонды, вот марсианские... Вот «Луноход»-2.

– Где первый? – небрежно бросил Иван. И ехидно улыбнулся: – Неужели сгорел?

– В частной коллекции какого-то аристократа, – признался Мяэтэ.

– Аристократов у нас больше нет, – сказал как отрезал Иван. – «Луноход»... первый... разобраться... Нехорошо, гражданин старший хранитель, что мы вторым довольствуемся. Верно?

– Верно! – Глаза старшего хранителя заблестели. Старая космическая техника явно была его коньком. – А еще скафандр первого космонавта Земли в частной коллекции...

– Будет здесь, – жестко сказал Иван. – Не сомневайтесь, гражданин. Демократия не позволит разбазарить славные страницы своей истории. А это что за челнок?

– А это и впрямь челнок, – обрадовался Мяэтэ. – Копия одного из первых челноков, «Челленджера»!

– Почему копия? – мимолетно осведомился Иван.

Мяэтэ молчал.

– Так, понятненько. – Комендант усмехнулся. – Сгорел? А этот челнок – тоже копия? Как он там называется... «Колумбия»... Копия? А оригинал – что?

У старшего хранителя задрожали губы.

– Ладно, гражданин, – мягко сказал Иван. – Кто старое помянет... Но при мне экспонаты гореть не будут. Ясно?

Старший хранитель закивал.

– Пойдем дальше, – распорядился Иван, оглядывая зал. – Сгорел... ха... – Уже у самой двери он остановился, ткнул рукой в какой-то здоровенный аппарат и резко спросил: – Это что у нас такое?

Старший хранитель обернулся и позеленел.

– Космическая станция «Мир». – Иван покивал головой. – Спрашивать, где оригинал, не стану... Эх, гражданин музейный работник... если бы в космофлоте так относились к имуществу – давно бы нас Чужие завоевали...

Во втором и третьем залах Иван Перелетный немного отошел душой. Здесь были собраны корабли двадцать первого и двадцать второго веков и настоящих встречалось куда больше, чем макетов. Некоторые теоретически даже были «на ходу» – заправляя реактор и можно лететь. Перед четвертым залом Иван предложил перекусить. Мяэтэ с готовностью достал сверток с бутербродами и предложил их коменданту. Иван вежливо отказался и позавтракал тубой питательной пасты.

– Экскурсии-то часто бывают? – поинтересовался он.

– Угу... – торопливо прожевывая бутерброд, ответил Мязтэ. – То есть – нет. Раньше часто, каждый день прилетали туристы. А как революция началась – третий год сидим в одиночестве. Иногда завернет кто случайно...

– Бандитов не было? – небрежно спросил Иван. – Места-то беспокойные, пояс астероидов рядом, луны юпитерианские...

– Нет... нет, ничего... – пряча глаза, ответил старший хранитель. – Как-то выкручиваемся...

– Ну-ну, – скармливая Мстиславу кусочек пасты, сказал комендант. – Это хорошо, что выкручиваетесь. А то завелась тут в окрестностях банда барона Трэша. Корабли одиночные грабят, на караваны нападают, на Церере орбитальный лифт взорвали, паскудники... И что самое обидное – добыли где-то старую аннигиляционную пушку с зарядами антиматерии. Против такой только линкор и устоит! А у Демократии – все линкоры наперечет. Если честно говорить, то всего-то один и остался...

Старший хранитель молчал.

– Пойдемте дальше? – ласково сказал Иван. – Зал четвертый и пятый, да? Шланагаси позовем в помощь?

Мязтэ энергично закивал.

Залы с четвертого по восьмой включительно были посвящены истории космической техники Чужих. Иван с удовольствием разглядывал деревянные космолеты Ушельцев (мимоходом заметив Мязтэ – «деревянные – а не горят!»), кусочки живых кораблей Тхарту в огромных стеклянных резервуарах (кусочки шевелились, плавали и даже пытались отращивать маленькие сопла), кристаллические корабли Билиатов (по большей части одноместные, представители этой расы никогда не страдали от одиночества). Много было экспонатов уникальных, изысканных, а то и просто затейливых. Шланагаси, выпустив колесное шасси, раскатывал между кораблей и просто сыпал пояснениями – он обожал технику Чужих. Глаза его горели от восторга.

После обеда Иван присоединил к экскурсии еще и Мебиуса с Марией-Пьер. Мебиус с энтузиазмом рассказывал о роботах и электронных системах, собранных в девятом зале, Мария-Пьер – о живых организмах, занимавших залы десятый и одиннадцатый. Похоже, девушке было труднее всего – все организмы чувствовали себя прекрасно, хотели есть, двигаться и размножаться. Со слезами на глазах Мария-Пьер говорила о тех инопланетных созданиях, которые не выдержали неволи – или, напротив, стали слишком уж активны и были усыплены. Молчаливый Тягомотин то косил траву возле одиннадцатого зала и непрерывно носил ее в вольер с арктурианскими хвостоносиками, то бегал по лужкам с сачком, отлавливая бабочек для пучеглаза уранийского. Маленький Антуан-Мария-Пьер тоже не бездельничал – собирал на болотце лягушек для пустотных фантазмиков.

– Беспокойное хозяйство, – признал Иван. – Диву даюсь, как тут у вас все ладно и складно устроено, граждане хорошие!

Граждане нервничали и прятали глаза.

В двенадцатом зале к экскурсии присоединился и сам профессор Сохатый. Похоже, зал планетарных пейзажей был у него самым любимым. Устроившись в кресле диспетчера, он воссоздавал вокруг восхищенного коменданта то пыльные степи Андрутании, то скалистые склоны Кольнийского вывертня – уникальной планеты, имеющей форму зазубренного треугольника.

Уже под вечер все вошли в тринадцатый зал – собрание артефактов неизвестной природы. Там, низко склонившись над лабораторным столом, корпел над расшифровкой текста, высеченного на маленьком металлическом кубике, билиат Керш.

Иван походил между стеклянными и пластиковыми стеллажами, поцокал языком, а выходя, небрежно бросил Кершу:

– Видал я такие штучки. Есть в шестом секторе цивилизация роботов, так они своих покойников переплавляют в кубики и на каждом пишут: «Из металла ты вышел, в металл и вернулся».

Керш задумчиво посмотрел на Ивана правой головой. Кивнул и сказал:

– Благодарю. Теперь я смогу расшифровать надписи и на других артефактах этой цивилизации.

Снаружи уже совсем стемнело. Профессор Сохатый, нервно потирая руки, предложил:

– А не закончить ли нам осмотр экспонатов завтра? Франсуаза уже дважды разогревала ужин, у меня есть бутылочка хорошего старого хереса...

– Вначале – дела, гражданин профессор! – наотрез отказался Иван. – Давайте-ка осмотрим последние два зала. Если не ошибаюсь – залы вооружений?

В ледяном молчании они проследовали в четырнадцатый зал. Несмотря на позднее время, герцог Джон Смит был там – смазывал портативный гранатомет. При виде Ивана он так растерялся, что уронил оружие и вынужден был долго искать его по всему полу.

– Как замечательно! – восторгался Иван, прогуливаясь между экспонатов. – А это и в самом деле талацкий ухуак? И в боевом состоянии? Надо же... Скажите, Джон... можно вас по-простому, без ваших светлостей и милостей?.. скажите, Джон, зарядная камера билиатского тушкера нарочно повреждена? Я так и думал...

Через полчаса, закончив восхищаться «лучшей в Галактике коллекцией ручного оружия и боевых скафандров», Иван вместе со своим печальным эскортом двинулся в последний зал – тяжелого вооружения. Увидев где-то у входа торпедный аппарат типа «Клюв», он с восторгом обнял его, будто боевого товарища, и долго рассказывал о годах службы.

Музейные работники терпеливо ждали.

– Да чего это я вас баснями пичкаю? – вдруг прервался Иван. – Еда стынет, а солдат без пайка – как пушка без заряда! Идемте...

Вздых облегчения пронесся по залу номер пятнадцать. Джон Смит утер пот со лба.

– Кстати... – уже в дверях остановился Иван. – Читал я, профессор, что у вас даже старая аннигиляционная пушка есть! Не покажете ли раритет?

Мелкими шажками профессор двинулся в центр зала. Там, на исцарапанном стальном полу, высился огромный макет аннигиляционной пушки, какими некогда вооружали орбитальные базы. Макет был очень тщательно сделан из картона и раскрашен яркими латексными красками.

– Красота! – восхитился Иван. – Только почему же она ненастоящая? Как сейчас помню, профессор... вы писали: «Настоящая аннигиляционная пушка с зарядным реактором и прицельным компьютером, в рабочем состоянии...» А? Профессор? Нет-нет, я понял... она сгорела! Верно, гражданин Мяэтэ? У вас очень плохо с пожарной безопасностью!

Старший хранитель закатил глаза и осел на пол.

А Иван Перелетный уже выхватил из кобуры огромный плазменный «Маузер» и, потрясая старым, но грозным оружием, надвигался на музейных работников.

– Что, контра недобитая, выкормыши имперские, подстилка аристократическая! – вопил он. – Продали барону Трэшу аннигиляционную пушку – и в ус не дуете? Древности-херевности, экспонаты-хренаты! Всех вас в расход пушу именем Новой Демократии! И ничего мне не будет, я на арктурианском фронте контуженный, за власть демоса кровь проливший!

Неизвестно, чем закончилась бы эта ужасная сцена – ибо Иван Перелетный, хоть и имел доброе демократическое сердце, но пособников бандитов никак не уважал. Но тут прижавшийся к профессору малыш Антуан-Мария-Пьер пролепетал:

– Папочка, он тоже будет в нас стрелять и мучить моих зверюшек?

Услышав слова невинного ребенка, Иван сразу же замолчал, спрятал «Маузер», поигрывая желваками. И рывкнул:

– А ну рассказывай, профессор... хренов... Как дело было?

– Видите ли, госпо... гражданин Перелетный, – прижимая руки к груди, пробормотал профессор. – Они приземлились полгода назад... вошли в купол... их было больше сотни... страшно, да, знаете, очень страшно! Люди, Чужие, киборги, роботы... Издевались над нами... грозились обесчестить жену и дочь... Мебиуса отключили от сети... гражданина Керша заставили целоваться самого с собой, а это ведь ужасное оскорбление для билиатов... Антуана-Марию-Пьера ударили, убили его любимого кролика... потом заявили, что разобьют все музейные экспонаты...

– Ну, картина мне в целом ясная, – сказал Иван Перелетный, – даром что противная. Бандиты – они и на Марсе бандиты. И вы трусили? Отдали им пушку?

– Они бы и сами ее забрали... – прошептал профессор.

– Мы очень не хотели этого делать, – тихо сказала Мария-Пьер.

– Братан, растерялись мы... – пробасил Тягомotin.

– Это омерзительные создания без малейших представлений о совести и морали! – отчеканила левая голова Керша. Правая голова молчала и кусала губы.

– Я крайне неодобрительно отношусь к нынешнему режиму, – процедил сквозь зубы Джон Смит. – Но с такими, как Трэш, мне не по пути.

Иван Перелетный взмахнул руками:

– Хорошо говорите! Правильно говорите! Так что же, граждане музейные работники, слова у вас с делом расходятся? Или у вас оружия мало? Встретили бы врага огнем, умерли бы достойно, как подобает!

Музейные работники потупились. Только малыш Антуан-Мария-Пьер засопел носом и сказал:

– Вам легко говорить, вы уже пожили. А я еще маленький. Я вырасти хочу.

Иван вздохнул. Укоризненно посмотрел на профессора – ну разве ж можно так воспитывать детей? Профессор покраснел.

Вперед выступила Мария-Пьер и негромко сказала:

– Гражданин комендант. Мы, разумеется, виноваты. Но готовы искупить свою вину.

– Ну-ка, ну-ка! – обрадовался Перелетный. – И как именно?

– Бандиты взяли только пушку, – объяснила девушка. – Реактор по производству снарядов из антиматерии брать не стали... испугались. По моим расчетам, у них вот-вот должны закончиться боеприпасы. Кроме как у нас, взять их негде. Верно, папа?

– Предпоследний оружейный реактор был уничтожен семьдесят лет назад, – поправляя очки и оживляясь, сказал старый ученый. – А последний здесь, у нас.

Иван Перелетный пристально посмотрел на сконфуженных музейных работников. Оправил форму, подтянул обмотки. Сказал – сурово, но справедливо:

– Что ж, граждане испугавшиеся. Есть у вас первый и последний шанс исправить свою ошибку, оправдать доверие товарища Мунина. Справимся – честь нам и хвала! Погибнем – все равно честь и хвала. – И, добродушно усмехнувшись, добавил: – Но помирать нам как-то не с руки, верно, граждане?

* * *

Ранним утром, когда маленькое холодное Солнце показалось над краем горизонта, над бурой марсианской равниной показался огромный боевой корабль. Человек сведущий сразу сказал бы, что это линкор орбитальной поддержки. Человек знающий отметил бы, что часть оружейных башен разобрана, а вместо них из бронированного корпуса торчит чудовищное дуло аннигиляционной пушки.

Вздымая пыль и опалая песок струями пламени, линкор опустилсЯ вблизи купола Независимой Республики Сидония.

Барон Трэш, кровавый ужас пояса астероидов, выходец из захудалого калифорнийского рода (давно уже отрекшегося от такого родственничка), первым вышел из корабля. Трэш был страшен. Черная кожа барона была испещрена шрамами, вместо правого глаза посверкивал электронный прицел, вместо левого – злобно блестел биопротез (по слухам, барон имел обыкновение разбирать на запчасти своих врагов). На правой руке не было кисти, вместо нее в руку барона была встроена лазерная пушка. Левая рука заканчивалась маленькой ультразвуковой пилой – страшным оружием ближнего боя. Недоброжелатели любили съязвить насчет неспособности барона собственноручно подтереться, но ужасна была их участь, если шутка доходила до ушей Трэша.

Уши у него, кстати, были электронные.

Следом за Трэшем вышли его верные телохранители – братья-близнецы Грегор и Эггегор. Эти невозмутимые скандинавы были с раннего детства зомбированы на преданность барону. Именно они разрушили орбитальный лифт на Церере, лишив заработка десять тысяч рудокопов.

За телохранителями последовали три киборга, давно уже утратившие всякое сходство с людьми. Один из них парил в воздухе, другой ехал на гусеницах, третий передвигался большими прыжками.

А уж потом из люков линкора посыпались остальные бандиты – люди и роботы, Чужие и киборги. Отбросы Солнечной системы, беглые аристократы и предатели-демократы, садисты и убийцы, все они собрались под черное знамя Трэша, поскольку больше никто в мире не желал иметь с ними дела.

Последней из корабля вышла Миосика – девочка-самурай, выгнанная из якудзы за излишнюю кровожадность. Она была одета в черный кожаный комбинезон с шипами и сапоги со шпорами-лезвиями. Ее холодный взгляд теплел лишь при виде барона – Миосика мечтала стать его любовницей, но барона не привлекали женщины. Впрочем, барона не привлекали ни мужчины, ни Чужие, ни даже киборги.

– Идем в купол, загружаем боезапас, – приказал Трэш. – Больше сюда возвращаться не станем, слишком опасно. Потому...

Бандиты заулыбались. Они понимали, что значат эти слова...

– Устроим кровавую оргию! – оскалился Трэш. – Профессора оставьте мне, я люблю пытать интеллигентов!

– А мне – детей! – закричала Миосика. – Можно я сама убью детей?

Трэш милостиво кивнул.

– Разрешите мне обесчестить дочь профессора? – воскликнул кто-то из бандитов, ослабленный показным добродушием барона.

Это были его последние слова – ультразвуковая пила взвыла, вырезая ему сердце.

– Молод еще – профессорских дочек насиловать! – рявкнул Трэш. Приказал Эггегору: – Похоронить с воинскими почестями... когда вернемся.

И предвкушающие кровавую оргию бандиты двинулись к куполу Сидонии.

Плакат висел на двери шлюза: написанный от руки печатными буквами на большом листе картона.

– Граждане бандиты! – прочитал вслух Трэш. – Независимая Республика город-музей Сидония отныне находится под охраной Новой Демократии. Предлагаю вам всем разоружиться, построиться в колонну по четыре и ожидать дальнейших распоряжений. Особый комендант Новой Демократии – И Пэ.

– Китаец? – нахмурилась Миосика.

– Это инициалы, дура! – пояснил Трэш. – «И». Точка. «П». Точка... – Он помрачнел и едва слышно прошептал: – Я слышал о человеке с такими инициалами...

Бандиты присмирели. Их предводитель не боялся даже полковника Черного – грозу асоциальных элементов Приземелья. Чего же он колеблется сейчас?

– Там только горстка музейных крыс! – гаркнул Трэш, отбрасывая сомнения. – Убьем их и взорвем весь купол! Никто не смеет командовать бойцами Трэша!

Бандиты взвыли от восторга и бросились вперед. Вот уже первая партия – два десятка самых нетерпеливых головорезов – вбежала в шлюз. Трэш пристально следил за ними – и понимающе кивнул, когда бандиты, схватившись за горло, попадали на пол. Выжил только один старый киборг, давно уже не нуждающийся в дыхании. Он удивленно смотрел на товарищей, не понимая, что происходит.

– Пот сириусянской ядюки, – пробормотал Трэш. – Что ж, вы хотите боя? Вы его получите!

Обернувшись к оробевшим бандитам, барон рявкнул:

– Что, обделались? Тем, кто дышит кислородом, – надеть газовые фильтры! Эти трусливые интеллигенты пытаются нас отравить!

Мария-Пьер плакала навзрыд. Иван Перелетный успокаивающе гладил девушку по мягкому теплему плечу.

– Ну и ну, нюни распустили... – ласково и шутливо говорил комендант. – Что ж их жалеть? Бандиты они, злые и гнусные.

– Мне ядюку жалко... – всхлипнула Мария-Пьер, вытирая слезы. – Она так потела, так потела... Это был единственный экземпляр в Солнечной системе!

– Ничего, деточка, – утешал ее Иван, не отрывая взгляда от экранов. Под временный штаб был спешно оборудован подвал зала номер четырнадцать. – Порой и бессловесным тварям приходится отдавать жизнь за торжество Демократии. Я тебе новую ядюку привезу. Вот те слово сержанта запаса!

– Не обманешь? – спросила Мария-Пьер, успокаиваясь.

– Чтоб мне Солнца не видеть! – торжественно поклялся Иван. – Эй, компьютерный гений! Ты готов?

– Еще секунду, – меланхолично сказал Мебиус. Тощее тело юноши подергивалось в паутине кабелей, подключенных к вживленным в юношу розеткам. В воздухе перед Мебиусом витало несколько голографических клавиатур и виртуальных экранов. – Вот теперь – пора!

Продвижение бандитов по безлюдному куполу было прервано самым чудовищным образом. Три любимых киборга барона Трэша внезапно застыли. А потом, будто утратив остатки разума, набросились на своих же соратников!

Сверкали лазерные лучи, огненными цветами распускались плазменные заряды. Не меньше десятка бандитов полегли, прежде чем на киборгов обрушился ответный удар. Летуна лазерной пушкой сбил лично Трэш. Прыгуна рассекла надвое своей катаной Мио-

сика. Ползун попал под перекрестные лучи трех тяжелых протонных излучателей и взорвался.

Трэш покачал головой и приказал:

– Всем отключить электронные импланты! Немедленно!

Ослушаться его не посмел никто. Несколько бандитов, давно уже не способные существовать без встроенной электроники, упали замертво – но все-таки подчинились.

– Хакера убью лично, – пообещал Трэш. – Разбиться на отряды, прочесать территорию! Вперед! Пустим им кровь!

Маленькая группа бандитов подошла к десятому залу. Им было приказано уничтожить животных, а еще лучше – выпустить на волю, чтобы посеять панику.

Картина, открывшаяся им в зале, тронула бы самое черствое сердце. Андрей Тягомотин и Анна Тихо мыли ригелианского пузыряника. Андрей мыл пузыряника снаружи, Анна – изнутри. Изящная обнаженная фигурка девушки нежно просвечивала сквозь матово-прозрачную кожу животного, будто символизируя всю нежность и женственность мира. Андрей, тоже совершенно нагой, на ее фоне казался воплощением мужественности и силы. Пузырник довольно похрюкивал.

Но сердца бандитов не смягчились.

– Что, недоумки музейные, попались? – рявкнул щетинистый арахноид, сам казавшийся одним из обитателей зверинца.

Андрей неторопливо повернулся, оставил швабру и ведро. Сказал рассудительно:

– Недоумок тут только я. Но – смысленный недоумок! Резко развернувшись, он дернул пузыряника за нижнее подхвостье и отскочил.

Обиженный пузыряник пискнул и выпустил из анального отверстия струю тяжелого синевато-сизого газа. Когда газ коснулся бандитов, их плоть заколебалась, сползая с костей. Через две секунды все было кончено.

– Ну, не обижайся, – похлопывая пузыряника по боку, сказал Андрей. – Не обижайся. Я тебе морковки принесу.

Сизый газ оседал, превращаясь в легкий безвредный порошок.

– Андрей! – крикнула Анна из пузыряника. – Выпусти денебских падалыщиков, им как раз не хватало протеинов в рационе!

Грегор и Эгрегор крались к четырнадцатому залу. Заподозривший неладное Трэш поручил своим самым верным негодьям захватить арсенал.

Но перед входом их встретили трое: старичок Мяэтэ с древним аблублианским шворнем наперевес, Шланагаси-5213 с длинным бумажным пакетом в руках и билиат Керш в боевой раскраске. Правую голову билиата венчала ажурная металлическая корона, на левую был надет обруч с оптическим прицелом.

Телохранители не зря прошли вместе с Трэшем венерианские рудники и каторгу на Проционе-4. Они не испугались. Грегор включил силовой щит, Эгрегор опустил на лицо щиток защитного комбинезона.

Мяэтэ передернул затвор шворня – и поток вырожденного пространства ударил в Эгрегора. Комбинезон выдержал, но оглушенный бандит упал.

Грегор открыл беглый огонь из игломета и побежал к защитникам четырнадцатого зала. Силовое поле искрилось, отражая и выстрелы из шворня, и пятна фиолетового сияния, летящие из металлической короны билиата. Левая голова Керша торопливо корректировала огонь – но враг приближался.

Тогда Шланагаси неторопливо развернул бумажный пакет и достал из него двуствольный обрез.

– Нечестно! – только и успел выкрикнуть Грегор, когда заряд керамической картечи с легкостью преодолел силовое поле, рассчитанное только на защиту от энергетического оружия.

Эгрегор, шатаясь, поднялся. Злобно сверкнул глазами – и бросил себе под ноги маленькую хрустальную сферу. Корона билиата перестала извергать фиолетовое сияние, шворнь перестал светиться. Шланагаси-5213 зря щелкал курками – порох в патронах не желал воспламеняться.

– Зарежу, – вытаскивая нож прошипел Эгрегор. – Порежу, гады!

– Разве это нож? – риторически спросил Керш, когда бандит приблизился, и достал из-за спины два длинных ритуальных билиатских меча.

Убежать Эгрегор не успел.

Миосика, девочка-самурай, нашла маленького Антуана-Марию-Пьера в тринадцатом зале. Малыш потерянно бродил между семью узкими высокими зеркалами на подставках из черного камня.

– Вот ты где, щенок... – процедила Миосика, доставая свою страшную катану.

Антуан-Мария-Пьер обернулся и доверчиво сказал:

– Видишь зеркала? Это древний артефакт неизвестной цивилизации. Все считают, что из зеркального лабиринта нельзя выйти! А я – умею!

Миосика оскалилась и пошла к мальчику.

Антуан-Мария-Пьер щелкнул пальцем по ближайшему зеркалу. И в следующий миг и он, и Миосика оказались в лабиринте сверкающих плоскостей. Зеркальные стены взметнулись к потолку и растаяли в белесом тумане. Под ногами лежал грубый черный камень.

Миосика заметалась, налетая на стены и пытаясь схватить Антуана-Марию-Пьера.

– Не суетись! – крикнул мальчик. Голос дробился и несся со всех сторон сразу. – Будь спокойной. Открой свое сердце добру, посмотри в свое истинное лицо!

Девочка-самурай закричала и ударила катаной по собственному отражению. Тут же тонкий порез появился на ее руке. Завертевшись вьюном, Миосика метнула во все стороны сюрикены. И тут же закричала от боли – в нее вонзились невидимые лезвия.

Скорчившись, Миосика тихо захныкала от ужаса.

– Я думаю, – сказал Антуан-Мария-Пьер, – что этот лабиринт использовался как психотерапевтическое средство. Взрослые здесь сразу гибнут, даже хорошие. А у тебя шанс есть. Смотри в свое отражение и думай о хорошем!

– Я плохая! Я умру! – закричала девочка-самурай. – Меня никто никогда не любил! Даже мама!

– Я тебе помогу, – сказал Антуан-Мария-Пьер. – Смотри в зеркала и думай о хорошем.

– О чем? – зарыдала девочка.

– О бабочках. О цветочках. О солнышке.

Пока в зале артефактов разыгрывалась эта душераздирающая сцена, одинокий и озлобленный барон Трэш крался по безлюдной улочке города-музея. Легкий ветерок хлопал дверями домов, пустые глазницы окон мрачно разглядывали бандита.

Но вот впереди показалась одинокая фигура сержанта запаса Ивана Перелетного. Комендант ждал кровавого барона, тихонько наигрывая на гармонии вальс «Амурские волны».

– Вот мы и встретились, Иван Перелетный! – сказал барон, приблизившись.

– Давно тебя жду, барон Трэш, – ответил Иван, кладя на землю гармонию.

Как и подобает двум великим воинам, они не сразу бросились друг на друга, а продолжали стоять, прокручивая в уме будущий поединок. «Стреляю... он прикрывается гар-

монью... падаю, стреляю снизу и пилю пилой... у него обмотки – металлические, пила ломается...» С каждой секундой лицо барона все более мрачнело. Он понял, каким будет неизбежный финал поединка.

Иван Перелетный ждал.

С тяжелым вздохом барон Трэш поднес руку к животу и сделал себе харакири ультразвуковой пилой. Кровавые ошметки внутренностей вывалились наружу.

– Никто не устоит перед Новой Демократией, – ничуть не удивившись, сказал Иван и подошел к барону. Губы Трэша шевелились – он что-то шептал. – Чего-чего? – переспросил Иван и нагнулся.

– Нет! – Выскочивший из-за угла герцог Джон Смит оттолкнул Ивана в сторону. И вовремя – умирающий барон извернулся и укусил герцога за ногу.

Сраженный герцог упал как подкошенный.

Пнув для верности мертвого барона, Иван присел над умирающим Джоном Смитом.

– Его зубы были отравлены... ядом... – прошептал герцог. – Неблагодарно...

– Эх, ваше сиятельство... – горько сказал Иван. – Ну что ж вы, аристократы, будто дети малые – чуть что, сразу помирать!

– Зови меня просто... Джон Смит... – прошептал герцог, испуская дух.

* * *

Жарким марсианским днем, когда яркое солнышко повисло в зените, все население города-музея провожало в последний путь герцога Джона Смита.

Даже вставшая на путь перевоспитания девочка-самурай Миосика проронила первую в своей жизни слезу.

– Теперь вы нас покинете, гражданин комендант? – осторожно спросил профессор.

Но Иван Перелетный покачал головой:

– Ну что вы, профессор, как можно? Музейное дело – основа основ Новой Демократии. Я к вам всерьез и надолго. А вот что я спрошу, профессор... неужели никого не заинтересовала моя странная фамилия?

– Я думал... да, очень заинтересовала... – признался профессор.

Иван Перелетный покачал головой:

– А с фамилией моей связана таинственная и загадочная история... Но не настаивайте, еще не пришло время поведать ее миру.

И он бесхитростно улыбнулся, как и подобает настоящему герою, предчувствующему впереди еще много удивительных приключений.

Если вы свяжетесь прямо сейчас...

Этот рассказ комментировать я не стану по той же причине, по которой на обложке детектива не пишут зазывную надпись: «Убийца – садовник!»

Если вы хоть иногда включаете телевизор – вы все прекрасно поймете.

* * *

Корабль будто и не летел – плыл в океане космоса. Почти километровый в диаметре шар медленно вращался, и по поверхности его бегали цветные узоры. Два полотнища радужного света стлались за ним, и по всей Земле люди поднимали головы, глядя в небо – с тревогой, подозрением, а то и с откровенным страхом. И все-таки большинство просто любовалось невиданным зрелищем. Слишком красива была эта чужая радуга, плавно скользящая по земной орбите, всем своим великолепием она отметала дурные мысли, обещала что-то радостное и небывалое. Наверное, со времен первого спутника люди не смотрели в небо так часто...

А на закрытом заседании Совета Безопасности ООН представители великих (и не очень) держав смотрели на экран. Зрелище было, быть может, не столь впечатляющее, но зато куда более познавательное. Впервые инопланетная раса вошла в контакт с человечеством.

– Нет, мы не будем высаживаться, – говорил с экрана пушистый комок оранжевого меха с крохотными бусинками глаз. – Нет, нет, нет. Спасибо за гостеприимство. Мы очень спешим. Мы благодарим за приглашение. Мы рады общению с вами. Но нам еще предстоит долгий-долгий путь.

Перевод обеспечивали Чужие. И на русский, и на английский, и на китайский, и на французский, и на испанский языки. Перед представителями других рас они вежливо извинились и посетовали на недостаток времени и способностей.

– Но мы хотели бы еще очень многое узнать, – сказал особый представитель ООН, гражданин Мадагаскара, выбранный после двухдневной подковерной борьбы представителем со стороны человечества. Мадагаскару повезло именно по причине его обычности – представитель Китая настаивал на кандидате от самой многочисленной нации, представитель США – на кандидате от самой развитой и демократической страны мира, представитель России – на кандидате от самой большой по площади страны. На самом деле личность господина Особого Представителя не играла никакой роли – он лишь озвучивал текст, появляющийся перед ним на маленьком неприметном экране. Где-то в недрах здания ООН этот текст торопливо вырабатывали никому не ведомые референты, психологи, политологи и сотрудники спецслужб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.